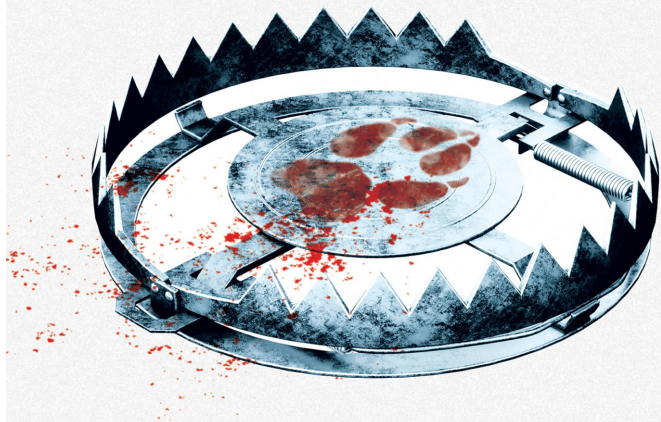

ТАНЯ ХАФФ

КРОВАВЫЙ СЛЕД

ИХ ПРОДОЛЖАТ **УБИВАТЬ,**
ЕСЛИ ТЫ НЕ ПОМОЖЕШЬ

Таня Хафф
Кровавый след
Серия «Сезон вампиров»
Серия «Хроники крови», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69445771
Кровавый след: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-189592-1

Аннотация

Еще недавно Вики Нельсон не поверила бы в существование вампиров. А сейчас согласилась поехать с одним из них на ферму к стае оборотней. Дело в том, что Вики – бывший коп и частный детектив. И она близка с Генри Фицроем, бастардом Генриха VIII. Вампиром. Так что неудивительно, что он обратился именно к Вики, когда его друзья начали убивать серебряными пулями. Оборотни не могут просто позвонить в полицию, и, возможно, Вики Нельсон – их единственная надежда. Удастся ли заслужить доверие стаи и выйти на след таинственного стрелка, пока он не принес новую смерть?

Вторая часть цикла городского фэнтези о вампирах, людях и прочих монстрах. Динамичный детектив с необычным взглядом на сверхъестественные силы, забавными моментами и элементами триллера. Узнайте больше об особенностях

привязанностей вампиров и познакомьтесь с необычной концепцией стаи оборотней в декорациях альтернативной Канады Тани Хафф.

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	32
Глава 3	66
Глава 4	101
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Таня Хафф

Кровавый след

© 1992 by Tanya Huff

© А. Овчинникова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

ВИКТОРИЯ НЕЛЬСОН

Кровавая плата

Кровавый след

ТАНЯ **ХАФФ**

КРОВАВЫЙ СЛЕД

МОСКВА
2023

Глава 1

Убывающая низкая луна превратила мирные и ухоженные фермерские поля в таинственное переплетение серебристого света и теней. За каждой травинкой, опаленной летней жарой до золотисто-коричневого цвета, легла ее тонкая черная копия. Кусты у забора – путь для тех, кто слишком робок, чтобы отважиться выйти в открытое поле, – зашуршали и смолкли, когда какое-то ночное создание отправилось по своим делам.

На краю луга устроилась на ночь большая отара овец, их постриженная летом шерсть в лунном свете казалась молочно-белой. Если бы некоторые животные не двигали ритмично челюстями, а ягнята, не способные долго лежать без движения даже во сне, не шевелились и не подергивали ушами, отару можно было бы принять за грудку светлых камней.

И вдруг «камни» ожили. Несколько овец повернули навстречу ветру аристократические носы. Существо, которое оказалось на лугу, перепрыгнув через забор, было явно знакомо овцам: все еще оставаясь настороже, они наблюдали за ним скорее с легким любопытством, чем с тревогой.

Огромный черный зверь остановился, чтобы пометить столб изгороди, потом побежал в поле и уселся, с видом собственника разглядывая овец. Что-то в его обличье, в форме головы напоминало волка, хотя окрас, величина, широкая

грудь и поведение отары говорило о нем скорее как о собаке.

Убедившись, что все в порядке, зверь помчался вдоль забора; мохнатый хвост развевался, как знамя, серебристые лунные блики при каждом движении играли на густой шерсти. Припустив еще быстрее, он перепрыгнул через чертополох – не потому, что чертополох оказался у него на пути, а просто радуясь тому, что можно прыгнуть, – и наискосок пересек пастбище.

Ничто, кроме отдаленного кашля, не предупреждало о том, что случится в следующий миг. Блестящая черная голова взорвалась фонтаном крови и костей; обезглавленное тело, сбитое на землю, содрогнулось и затихло.

Почувяв кровь, овцы в ужасе заблеяли, в панике ринулись в дальний конец поля и тесной шумной толпой прижались к забору. К счастью, они побежали не по ветру, а против него. Больше ничего не случилось, и они начали успокаиваться. Несколько овец постарше, ведя за собой своих ягнят, покинули стадо и начали устраиваться на ночлег.

Трое зверей, перепрыгнувшие через забор некоторое время спустя, как будто вообще не заметили овец. Едва касаясь огромными лапами земли, они помчались к мертвому телу. Один из них, с мохнатой рыжей шерстью, попытался пойти по следу убитого зверя, но самый крупный из троицы рыком приказал ему вернуться.

Три заостренные морды обратились к небу, вой снова навел панику на овец. То нарастая, то затихая, вой звучал так

дико и первозданно, что звери больше ничуть не напоминали собак.

* * *

Вики ненавидела август. В августе Торонто доказывал, что не зря считается мегаполисом мирового класса: жара и влажность повисали в выхлопных газах автомобилей; воздух в каньоне из бетона и стекла на пересечении рек Янг и Блур приобретал желтовато-коричневый оттенок и оставлял в горле горький привкус; каждый полоумный в городе решал пуститься во все тяжкие, и страсти накалялись до предела. Полицейские в темно-синих брюках, шляпах и тяжелых ботинках ненавидели август как по личным, так и по профессиональным причинам.

Вики давно избавилась от формы, а год назад и вовсе ушла из полиции, но до сих пор ненавидела этот месяц. Вообще-то она возненавидела его окончательно именно потому, что август теперь навсегда ассоциировался у нее с уходом с любимой работы.

Отпирая дверь квартиры, она старалась не вдыхать свой запах. Вики провела день (вернее, целых три дня), трудясь комплектовщицей заказов на маленькой кофейной фабрике на Райлсайд-драйв. В прошлом месяце здесь несколько раз отказывало оборудование, и владельцы в конце концов поняли, что имеют дело с саботажем. Если небольшая специали-

зированной компания хотела заключить сделку с транснациональными корпорациями, она не могла себе позволить простое, поэтому отчаявшиеся владельцы наняли Вики, чтобы та разобралась в происходящем.

«И снова Вики Нельсон, частный детектив, проникает в суть вещей».

Вики закрыла за собой дверь и с облегчением стянула влажную футболку.

В первый же день она смогла выяснить, кто глушил процессорные машины, но ей понадобилось еще два дня, чтобы выяснить, *как* это делалось, и собрать достаточно доказательств для предъявления обвинения. Завтра она положит отчет на стол мистера Глассмана и навсегда покинет его завод. А сегодня вечером ей хотелось принять душ, съесть что-нибудь, что не пахло бы кофе, и провести долгий скучный вечер, уткнувшись в телик.

Она швырнула грязную футболку в угол и сняла джинсы. Единственным плюсом во всем этом было то, что в метро на обратном пути ей мигом уступили место и никто не пытался над ней нависнуть.

Горячая вода только-только начала изгонять напряжение из мускулов и смывать вонь, когда зазвонил телефон.

И звонил долго.

Вики пыталась не обращать на него внимания, сосредоточившись на шуме душа, но куда там! У нее всегда была навязчивая потребность отвечать на все телефонные звонки.

Бормоча что-то себе под нос, Вики выключила воду, быстро завернулась в полотенце и помчалась к телефону.

– А, наконец-то, дорогая. Почему ты так долго не отвечала?

– У меня очень маленькая квартира, мам, – вздохнула Вики. Она так и знала, кто это звонит. – А тебе не пришло в голову примерно на седьмом гудке, что я не собираюсь отвечать?

– Конечно нет. Я знала, что ты дома, иначе ты включила бы автоответчик.

Вики считала крайне невежливым оставлять автоответчик включенным, если хозяйка квартиры дома. Может, пришло время пересмотреть свое отношение к этому вопросу. Полотенце начало разматываться, и она попыталась его подхватить: окна квартиры на втором этаже находились недостаточно высоко, чтобы разгуливать нагишом.

– Я была в душе, мам.

– А, хорошо, значит, я не отвлекла тебя от чего-то важного. Я хотела позвонить тебе перед уходом с работы...

«Чтобы отдел естественных наук заплатил за звонок», – мысленно добавила Вики.

Ее мать работала секретарем в Королевском университете Кингстона дольше, чем большинство штатных профессоров, и пользовалась льготами своей должности так часто, как только могла.

– ...И узнать, когда у тебя в этом году будет отпуск, чтобы

мы могли провести время вместе.

Да, конечно. Вики любила мать, но, проведя в ее обществе больше трех дней, обычно ловила себя на мысли, что готова ее прикончить.

– У меня больше нет отпусков, мам. Теперь я сама себе хозяйка, и приходится хвататься за любую подвернувшуюся работу. Кроме того, ты гостила у меня в апреле.

– Ты тогда лежала в больнице, Вики, и пообщаться толком не удалось.

Два вертикальных шрама на левом запястье Вики превратились в тонкие красные черточки на бледной коже. Это смахивало на след попытки самоубийства, и потребовалась вся ее изобретательность, чтобы не рассказать матери, откуда на самом деле взялись эти шрамы. Вряд ли мама хорошо отнеслась бы к вести о том, что хакер-социопат чуть не принес ее дочь в жертву демону.

– Как только у меня выдастся свободный уик-энд, я к тебе заеду. Обещаю. Мне пора, с меня капает на ковер.

– Захвати с собой Генри Фицроя. Я хотела бы с ним познакомиться.

Вики ухмыльнулась. Генри Фицрой и ее мать. Возможно, ради этого и стоит провести уик-энд в Кингстоне.

– Лучше не надо, мам.

– Почему? Что с ним не так? Почему он избегал меня в больнице?

– Он не избегал тебя, и с ним все в порядке...

«Ну, вообще-то он умер в тысяча пятьсот тридцать шестом году, но это его не остановило».

– Он писатель. Он слегка... необычный.

– Еще необычнее Майкла Селуччи?

– Мама!

Мысленно Вики увидела, как мать приподняла брови.

– Дорогая, ты, может быть, забыла, но в свое время ты встречалась со многими необычными мальчиками.

– Я больше не встречаюсь с мальчиками, мам. Мне скоро тридцать два года.

– Ты знаешь, что я имею в виду. Помнишь того юношу в старших классах? Запомняла его имя, но у него был целый гарем...

– Я позвоню тебе, мам.

– В ближайшее время.

– В ближайшее время, – согласилась Вики, снова спасла полотенце и дала отбой.

«Встречалась с необычными мальчиками в свое время... Ха!»

Фыркнув, она вернулась в ванную. Ладно, у нее и вправду есть парочка слегка странных знакомых, но Вики на сто с лишним процентов была уверена, что ни один из них не вампир.

Она снова включила душ и усмехнулась, представив себе такую сценку: «Мам, позволь познакомить тебя с Генри Фицроем. Он кровопийца».

Она улыбнулась шире, шагнув под воду. Ее бесконечно практичная мать, вероятно, спросила бы, какой именно группы кровь он пьет. Чтобы поколебать мировоззрение матери, требовалось приложить много, очень много усилий.

Когда Вики выложила на тарелку омлет, телефон зазвонил снова.

– Я так и знала, – пробормотала она, хватая вилку и направляясь в гостиную. – Чертова штукавина никогда не верещит, когда я ничем не занята.

Закат наступит только через пару часов, значит, звонит не Генри.

– Вики? Это Селуччи.

Поскольку в полиции Торонто служило множество Майклов, у большинства из них вошло в привычку постоянно называть себя по фамилии и на службе, и в свободное время.

– Помнишь, как зовут предполагаемого сообщника Квеста? Того парня, которому так и не предъявили обвинение?

– Добрый вечер, Майк. Рада тебя слышать. Я в порядке, спасибо.

Вики отправила в рот кусок яичницы и стала ждать взрыва.

– Прекрати нести чушь, Вики. У него было какое-то женское имя... Мэрион, Мэрилин...

– Марго. Алан Марго. А что?

Даже сквозь шум уличного движения Вики по голосу Селуччи поняла, что он самодовольно улыбается.

– Это секретная информация.

– Послушай, сукин сын, когда ты пользуешься моими мозгами, потому что тебе лень покопаться в своих, не заявляй, что это секретная информация. Во всяком случае, если хочешь дожить до пенсии.

Он вздохнул.

– Так подключи свои мозги, которыми, по-твоему, я пользуюсь.

– Вы вытащили из озера еще одно тело?

– Всего несколько минут назад.

Значит, Селуччи все еще на месте преступления. Теперь понятно, откуда такой фоновый шум.

– Такое же расположение синяков?

– Почти такое же, насколько я могу судить. Коронер только что забрал труп.

– Прижми ублюдка.

– Как раз это я и собираюсь сделать.

Вики повесила трубку и скользнула в кожаное кресло с откидывающейся спинкой, сперва пристроив тарелку с яичницей на подлокотнике. Два года назад она вела это дело. Она отвечала за розыск подонка, который избил до бесчувствия пятнадцатилетнюю девочку, а потом швырнул ее в озеро Онтарио. Шесть недель работы – и они вычислили человека по имени Квест, взяли его, предъявили ему обвинение и заставили расколоться. В дело был вовлечен еще один тип, Вики в этом не сомневалась, но Квест отказался давать даль-

нейшие показания, и они не смогли выдвинуть обвинение против его сообщника. Но теперь...

Она сдернула с переносицы очки. Теперь Селуччи до него доберется, а Вики Нельсон, бывшая любимица муниципальной полиции, будет сидеть-посиживать.

Комната расплылась, превратилась в размытую мешанину цветов, и Вики снова надела очки.

– Черт!

Глубоко дыша, она заставила себя успокоиться. В конце концов, важно то, что Марго будет пойман, а не то, кто именно его сгребет.

Она схватила пульт и включила телевизор. «Джейс»¹ играли в Милуоки.

– Летние парни², – вздохнула она и принялась за остывшую яичницу, слушая гипнотические голоса дикторов, ведущих предыгровое шоу.

Как и большинство канадцев старше определенного возраста, Вики сначала была хоккейной фанаткой. Но почти невозможно жить в Торонто и не чувствовать, как тебя захватывает бейсбол.

Седьмой период кончался со счетом три – пять, «Джейс» отставали на два очка, два аута. Игрок второй базы встал против Муки Уилсона. На счету Уилсона было больше трех-

¹ «Торонто Блю Джейс» – канадская бейсбольная команда.

² «Летние парни» («The Boys of Summer») – песня о былой любви, записанная Доном Хенли в 1984 году.

сот отбитых мячей, поданных правшами, и Вики видела, что питчер «Брюэрсов»³ вспотел.

Зазвонил телефон.

– Ну кто бы сомневался!

Вики опустила длинную руку, взяла телефон и положила себе на колени. Закат наступил в восемь сорок одну, сейчас было девять ноль пять. Наверняка это Генри.

Первый мяч.

– Да, что?

– Вики? Это Генри. С тобой все в порядке?

Первый страйк.

– Да, я в порядке. Ты просто попал в неудачное время.

– Мне очень жаль, но моим друзьям нужна твоя помощь.

– Моя помощь?

– Ну, им нужна помощь частного детектива, а ты единственный известный мне частный детектив.

Второй страйк.

– Помощь нужна прямо сейчас?

Осталось всего два периода. Насколько отчаянная там ситуация?

– Вики, это важно.

По голосу Генри Вики поняла, что он не шутит, вздохнула (Уилсон выскочил на левое поле, завершая иннинг) и выключила телевизор.

– Ну, если так уж важно...

³ «Милуоки Брюэрс» – американская бейсбольная команда.

– Важно.

– ...Тогда я сейчас подъеду.

Она почти положила трубку, как вдруг, осененная внезапной мыслью, снова ее подняла.

– Генри?

Он еще не дал отбой.

– Да?

– Твои друзья – они ведь не вампиры?

– Нет. – Сквозь тревогу в его голосе пробилося легкое веселье. – Они не вампиры.

Грег спокойно кивнул молодой женщине, пропуская ее через ресепшн в вестибюль. Женщину звали Вики Нельсон, и нынче летом она несколько раз приходила сюда во время его дежурств. При других обстоятельствах она бы ему понравилась, но Грег не мог забыть первое впечатление, которое она произвела на него прошлой весной. После некоторых наблюдений он пришел к выводу, что эта женщина не из тех, кто обычно открывает дверь в неглиже, и все равно остался при мнении, что той ночью она что-то скрывала. Но что?

За последние пару месяцев вера Грега в то, что Генри Фицрой – вампир, начала меркнуть. Ему нравился мистер Фицрой, Грег уважал его и понимал, что странности жильца могут проистекать из того, что он писатель, а не из того, что он порождение тьмы... И все же некие сомнения оставались. Что скрывала молодая женщина той ночью? И почему?

Иногда Грег подумывал, не спросить ли ее об этом напрямик – просто для собственного душевного спокойствия, – но ее упрямо задранный подбородок всякий раз останавливал его. Поэтому он продолжал гадать. И наблюдать. На всякий случай.

Вики с большим облегчением почувствовала, как за ней закрылись двери лифта. Пристальный взгляд охранника всегда заставлял ее чувствовать себя... Ну, неумытой, что ли...

«Тем не менее я сама во всем виновата. Не надо было открывать ему дверь практически голой».

Тогда она не сумела придумать ничего лучшего – и это сработало, отвлекло старика от намерения вонзить в сердце Генри крокетную клюшку, поэтому не стоило жаловаться на последствия.

Вики нажала кнопку четырнадцатого этажа и поплотнее заправила белую рубашку в красные шорты. Маленькое «приключение», которое она пережила прошлой весной, избавило ее от нескольких фунтов веса, и до сих пор ей удавалось поддерживать форму. Она была слишком мускулистой, чтобы выглядеть стройной (какой втайне хотела быть), но более тонкая талия ее радовала. Щурясь от яркого света флуоресцентных ламп, Вики изучала свое отражение в стальных стенках лифта.

«Неплохо для старой девы», – подумала она, поправляя ненавистные очки.

На мгновение Вики задумалась, не стоило ли одеться более официально, но потом решила, что друзья Генри Фицроя (внебрачного сына Генриха VIII, бывшего герцога Ричмонда и так далее, и так далее) вряд ли расстроятся, если частный детектив появится в шортах.

Когда лифт добрался до этажа Генри, Вики повесила сумку на плечо и приняла профессиональный вид. Этот вид продержался до тех пор, пока дверь квартиры не распахнулась и не оказалось, что в прихожей ее ждет только огромная рыжевато-коричневая собака. Или... Нет-нет, конечно же, собака!

Вики протянула руку псу для обнюхивания. Волки не бывают такого цвета. И такой величины. Верно?

Она могла бы еще добавить, что волки обычно не тусуются в кондоминиумах в центре Торонто, но, поскольку тут жил Генри, она бы на такое не поставила.

Черные пятна вокруг глаз собаки делали его морду удивительно выразительной. Пес с готовностью понюхал предложенную руку, а потом требовательно подставил голову, чтобы ее погладили.

Вики ухмыльнулась, закрыла входную дверь и послушно принялась чесывать густую шерсть за заостренными ушами.

– Генри? – позвала она, когда хвост, достаточно тяжелый, чтобы сбить с ног взрослого мужчину, ритмично застучал по стене. – Ты дома?

– Я в гостиной.

Что-то в тоне Генри заставило Вики нахмуриться, но опустившаяся на ее ногу лапа размером с блюдце тут же ее отвлекла.

– Отвали, ты, чудовище.

Пес послушно убрал лапу, и Вики, легонько схватив его за морду, покачала его массивную голову из стороны в сторону.

– Пошли, парень, нас ждут.

Пес улыбнулся – другого слова для выражения его морды было не подобрать, – развернулся и побежал в гостиную. Вики последовала за ним чуть более степенным шагом.

Генри стоял на своем обычном месте у огромных сплошных окон, выходящих на город. Электрический свет, который вампир включал в тех редких случаях, когда у него бывали гости, зажигал рыжие блики в его светлых волосах и делал карие глаза почти золотыми. Вообще-то Вики скорее догадывалась о том, какого цвета сейчас его глаза, поскольку не могла разглядеть на расстоянии такие детали. Однако она никогда не уставала на него смотреть. Манеры Генри делали его не просто привлекательным, а экстраординарно красивым, и Вики понимала: у бедняжек Люси и Мины не было ни единого шанса устоять против хорошо известного вымышленного двойника Фицроя⁴.

⁴ Имеется в виду граф Дракула. Люси и Мина – персонажи романа Брэма Стокера «Дракула».

Генри был не один. Молодая женщина, возившаяся с CD-плеером, обернулась, когда Вики вошла в гостиную, и Вики спрятала улыбку, обнаружив, что ее откровенно и внимательно разглядывают. Она ответила долгим взглядом.

Танцовщица? Несмотря на маленький рост, девушка (лет семнадцати-восемнадцати, не больше) была изящной, музыкальной и держалась почти вызывающе.

«Не пытайся, малышка. Если я и не вдвое старше тебя, то определенно вдвое злее».

Вздрогнув, Вики поняла, что короткая грива серебристых волос естественного цвета: брови можно осветлить, но не ресницы. Девушку нельзя было назвать хорошенькой, но светлые волосы создавали экзотический контраст с сильным загаром. И ее сарафан, безусловно, оставлял мало места для воображения.

Глаза двух женщин встретились, и брови Вики поползли вверх. Всего на мгновение она почти поняла, что здесь происходит, затем мгновение прошло, и девушка, посмотрев на нее сквозь ресницы, застенчиво улыбнулась.

Большой рыжий пес сел рядом с Генри – его голова доставала вампиру до талии, – а потом они вдвоем зашагали вперед. У Генри было продуманно-нейтральное выражение лица; пес как будто забавлялся.

– Вики, позволь познакомить тебя с Розой Хиркенс. У ее семьи возникли некоторые проблемы, и я решил, что ты сможешь помочь.

– Рада познакомиться.

Вики протянула руку, и после быстрого взгляда на Генри («Что он ей обо мне сказал?») молодая женщина ее приняла.

Очень немногие женщины умеют пожимать руки, поскольку их этому не учат, и Вики удивило и крепкое рукопожатие, под стать ее собственному, и мозолистая ладонь.

Выпустив руку Вики, Роза показала на пса, который теперь прислонился к ее ногам.

– Это Шторм.

Шторм подал лапу, и Вики с ухмылкой наклонилась и потрясла ее.

– Рада познакомиться и с тобой тоже, Шторм.

Огромный пес коротко гавкнул, подался вперед и лизнул Вики в лицо с такой силой, что чуть не сорвал с нее очки.

– Шторм, прекрати! – Зарывшись обеими руками в рыжеватый мех на шее пса, Роза дернула собаку назад. – Может, ей не хочется, чтобы ее слюнявили!

– О, я не возражаю.

Вики вытерла лицо ладонью и вернула очки на переносицу.

– Какая это порода? Красавец.

Шторм, очевидно, понял комплимент: у него сделался такой самодовольный вид, что Вики рассмеялась.

– Пожалуйста, не поощряйте его, мисс Нельсон, он и так слишком тщеславен.

Роза уперлась коленом в плечо пса и толкнула его, сбив

с ног.

– Что касается того, какая это порода... то просто несносная!

Шторм не расстроился из-за того, что его так бесцеремонно уронили: вывалив язык, он перевернулся на спину, задрал все четыре лапы вверх и выжидающе посмотрел на Вики.

– Хочешь, чтобы тебе почесали животик?

– Шторм!

Окрик Генри заставил пса встать с удивительно протрезвевшим видом.

Вики с удивлением посмотрела на Генри. Что с ним такое?

Перехватив взгляд Вики, тот посмотрел на девушку и собаку.

– Наверное, лучше заняться делом.

И тут Вики поняла, что идет к дивану, хотя не собиралась туда идти. Она ненавидела, когда Генри так поступал. Ненавидела себя за послушание. И ненавидела свои сомнения в том, кого именно слушается – вампира или принца. Почему-то подчиняться сверхъестественным вампирским способностям казалось ей не так предосудительно, как уступать средневековому мелкому диктатору.

«Я еще потолкую с его бессмертным высочеством на эту тему...»

Бросив сумку на пол, Вики откинулась на красную бархатную обивку. Роза свернулась калачиком в кресле, а Шторм растянулся на полу у ее ног. Он великолепно смотрелся

на фоне кремового ковра, но рыжевато-коричневый мех слегка диссонировал с малиновым креслом.

Генри, закинув одну обтянутую джинсовой тканью ногу на подлокотник дивана, примостился рядом с Вики – так близко, что на мгновение она забыла обо всем, кроме него.

– Слишком рано, Вики, ты потеряла очень много крови. Она почувствовала, как запылало ее лицо. Ей и в голову не приходило, что он может не захотеть... Ведь именно к этому они всегда ведут, не так ли?

– В больнице мне сделали переливание, Генри. Я в полном порядке. Честно.

– Я тебе верю.

Он улыбнулся, и внезапно Вики почувствовала, что ей не хватает воздуха.

«У него было около четырехсот пятидесяти лет, чтобы попрактиковаться в такой улыбке, – напредила она себе. – Дыши».

– Мы должны быть очень осторожны, – продолжал Фицрой, легко опустив руки ей на плечи. – Я не хочу тебе навредить.

Это так сильно смахивало на диалог из скверной мыльной оперы, что Вики усмехнулась.

– Хотя у меня нет в запасе пары сотен лет, как ты помнишь, – сказала она, доставая ключи от своей квартиры, – я постараюсь тебя не подгонять.

Этот разговор случился почти четыре месяца назад, когда ее выписали из больницы. И разговорами все и закончилось.

Вики старалась быть терпеливой, но иногда – как сейчас, когда Генри сидел так близко, – ей хотелось сбить его с ног и повалить на пол.

Усилием воли она вернулась к текущим делам. Поскольку все, казалось, ждали, когда она заговорит, она как можно усерднее изобразила на лице выражение «полицейский – твой друг» и посмотрела на Розу.

– В чем именно требуется моя помощь?

Роза снова взглянула на Генри. Хотя Вики не могла видеть ответный взгляд вампира, казалось, он успокоил девушку, потому что та глубоко вздохнула, дрожащими пальцами откинула волосы с лица и сказала:

– За последний месяц были застрелены два члена нашей семьи.

Ей пришлось остановиться и сглотнуть, чтобы справиться с горем, прежде чем она смогла продолжить:

– Нам нужна ваша помощь, мисс Нельсон, чтобы найти убийцу.

Убийство. Что ж, все явно намного серьезнее, чем ожидала Вики. К тому же двойное убийство. Она поправила очки и, сочувственно понизив голос, спросила:

– Неужели местная полиция не нашла никаких зацепок?

– Они не все знают.

– Что вы имеете в виду – «не все знают»?

Вики пришло в голову несколько значений этого выражения, и ни одно ей не понравилось.

– Почему бы тебе не показать ей, Роза, – тихо сказал Генри.

Вики повернулась, чтобы посмотреть на вампира: она слишком плохо видела, чтобы позволить себе роскошь скосить глаза. Серьезное выражение его лица было под стать тону. Что бы Роза ни хотела показать, это очень важно. Полная тревожных предчувствий, Вики снова посмотрела на Розу.

Та только этого и ждала. Девушка сбросила сандалии и встала. Шторм, понюхав сандалии, подошел к ней. Одним быстрым движением Роза сорвала с себя сарафан, на мгновение застыла обнаженной... И там, где только что стояли светловолосая юная девушка и большой рыжеватый пес, появился рыжеволосый молодой человек и большая белая собака. Юноша был очень похож на девушку: такие же высокие скулы, такие же большие глаза, такой же заостренный подбородок.

«И такое же гибкое тело танцора», – отметила Вики, бросив единственный взгляд на очевидную разницу.

– Вервольфы, – услышала Вики свой голос, сама поражаюсь собственному самообладанию.

«Скорее всего, влияние Генри. Вот что получается, когда общаешься с вампирами. Ну, я тебе это припомню, поганец».

Молодой человек, совершенно не смущенный ни ее пристальным взглядом, ни своей наготой, подмигнул. Вики пришла в замешательство, особенно когда вспомнила, как обращалась с собакой... Нет, с волком. Нет, с вер... О черт!

Она почувствовала, что краснеет, и на мгновение опустила взгляд. Когда она снова подняла глаза, стало ясно, что она пропустила момент превращения: Роза уже надевала через голову сарафан, а молодой человек – Шторм? – послушно натягивал ярко-синие шорты, которые хоть как-то его прикрывали. Почувствовав на себе пристальный взгляд Вики, он посмотрел на нее, улыбнулся и подошел с протянутой рукой.

– Привет. Наверное, надо представиться снова. Меня зовут Питер.

– Э-э, привет.

Очевидно, меняя облик, они меняли и имена. Немного ошеломленная, Вики взяла предложенную руку. У Питера были такие же мозоли, как и у Розы. Неудивительно, раз часть времени они бегали на четвереньках.

– Вы, э-э, брат Розы?

– Мы близнецы. – Он ухмыльнулся, и выражение его лица так сильно напомнило Вики выражение морды рыжевато-коричневой собаки, что она поймала себя на ответной улыбке. – Она старше, а я красивее.

– Ты шумнее, – поправила Роза, снова сворачиваясь калачиком в кресле. – Иди сюда и сядь.

С мученическим видом Питер послушался, грациозно

опустился на то самое место, которое занимал, будучи Штормом, и прижался спиной к коленям сестры.

– Мы сожалеем, что дали такое театральное представление, мисс Нельсон, – продолжила Роза, – но Генри решил – так лучше всего получится ввести вас в курс дела, ведь вы...

Девушка заколебалась, и Генри плавно закончил за нее:

– ...Ведь ты не из тех, кто отказывается верить своим глазам.

Вики предположила, что это комплимент, поэтому ограничилась тихим фырканьем и слегка саркастичным:

– Ну, тебе ли не знать.

– Ведь вы нам поможете? – Питер подался вперед и легонько положил руку на колено Вики.

В этом прикосновении не было ничего сексуального, а выражение лица парня говорило лишь о тревоге и надежде.

Вервольфы.

Вики вздохнула. Сперва вампиры и демоны, теперь вервольфы. Что будет дальше?

Она скрестила ноги, сбросив руку Питера, и устроилась поудобнее; скорее всего, история будет длинной.

– Наверное, вам лучше начать с самого начала.

Глава 2

– С самого начала? – повторила Роза, превратив утверждение в вопрос. Вздыхнула и откинула с лица прядь светлых волос. – Думаю, это началось, когда подстрелили Серебрянку.

– Серебрянку? – переспросила Вики.

Она почувствовала, что, если не будет дирижировать объяснением, оно быстро забредет невесть куда.

– Нашу тетю... – начала было Роза, но Питер, увидев выражение лица Вики, перебил сестру:

– У каждого из нас два имени. По одному для каждой нашей ипостаси. – Он положил короткопалую руку на свою загорелую грудь. – Вот Питер. Но я был Штормом, когда встретил вас у двери. А Роза в своей меховой ипостаси зовется Тучей. Так проще, чем объяснять посторонним, почему у всех собак на ферме такие же имена, как и у членов семьи.

– Логично, – согласилась Вики, довольная, что ее предположение об именах подтвердилось. – Но разве это не сбивает с толку?

Питер пожал плечами.

– С какой стати? У вас тоже не одно имя. Для одних вы мисс Нельсон, для других – Вики, и вас это не сбивает с толку.

– Да, как правило, не сбивает, – признала Вики. – Итак,

вашу тетю застрелили в ее... э-э, волчьем обличье.

«Ну, поскольку они назвались вервольфами, наверное, лучше называть их вторые ипостаси волками. Это куда вежливее, чем называть их собаками. Подумать только – до того, как в моей жизни появился Генри, я никогда не беспокоилась о таких вещах... Не забыть бы его поблагодарить».

– Верно, – кивнул Питер. – Наша семья владеет большой овцеводческой фермой к северу от Лондона, в Онтарио...

Он сделал паузу, словно предлагая Вики прокомментировать, но та молчала с вежливо-заинтересованным выражением лица.

– ...И Серебрянку убили выстрелом в голову, когда она проверяла стадо.

– Ночью?

– Да.

– Мы подумывали сообщить полиции, что кто-то застрелил одну из наших собак, – сказала Роза. – Тогда нам пришло в голову только одно: это сделал какой-то придурок с ружьем, который никак не мог знать, что перед ним не просто собака. Такое случается, люди часто теряют собак...

На последнем слове ее голос сорвался, и Питер уткнулся головой в колени сестры. Запустив пальцы в его волосы, Роза продолжала рассказ, а Вики про себя отметила, что прикосновения, по-видимому, играют в их жизни важную роль.

– Но меньше всего нам нужно, чтобы полиция бродила вокруг фермы и задавала вопросы, понимаете? Чтобы поли-

дейские замечали и то, и это... Вот почему наша семья решила разобраться с этим самостоятельно.

Губы Питера раздвинулись, обнажив зубы; длинные и белые, они были его наименее человеческой чертой. Вики поняла, что, если бы «семья» поймала убийцу Серебрянки, правосудие имело бы мало общего с законом и судами. Год назад такая мысль привела бы ее в ужас, но год назад у нее имелся полицейский жетон, а ее жизнь была намного проще.

– А что вы сказали людям, которые спрашивали, куда пропала ваша тетя?

– Мы сказали, что тетя Сильвия наконец-то решила уехать к дяде Роберту на Юкон. Она всегда об этом говорила, поэтому никто не удивился. Тетя Надин... Это сестра-близнец тети Сильвии... – Роза снова тяжело сглотнула, и Питер сильнее прижался к ней. – Ну, какое-то время она старалась не показываться нам на глаза. Узы, связывающие близнецов, у нашего народа очень сильны, и ее все время тянуло выть. Как бы то ни было, в понедельник вечером Черный... Дядя Джейсон... Получил пулю в голову, когда проверял, как дела у овец с осенними ягнятами. Никто ничего не слышал, и мы не смогли учуять постороннего поблизости от тела.

– Скорострельная винтовка, вероятно, с глушителем и оптическим прицелом, – предположила Вики и нахмурилась. – Похоже, действовал неплохой стрелок. Поразить движущуюся цель ночью...

– В понедельник было полнолуние, – вмешался Генри. –

Света было много.

– Для оптического прицела это не имеет значения. И в ту ночь, когда убили Серебрянку, не было полнолуния. – Вики покачала головой. – Чтобы сделать такой выстрел, даже два выстрела...

– Это еще не все, – перебила Роза, бросив что-то через комнату. – Отец нашел это рядом с телом.

Вики попыталась поймать предмет в воздухе, промахнулась, и маленький кусочек металла упал ей на колени. Молча проклиная свое отсутствие ощущения глубины, она порылась в складках шорт и, выудив эту штуку, озадаченно уставилась на... пусть и сильно помятую... но несомненно серебряную пулю.

Крепко сжав зубы, она удержалась от вопроса: «Вашего дядю убил Одинокый Рейнджер?»⁵

Генри протянул руку через плечо Вики, взял с ее ладони тускло поблескивающий предмет и поднес к свету, зажав между большим и указательным пальцами.

– Серебряная пуля – один из традиционных способов убить оборотня, – объяснил он. – Но то, что нужно обязательно серебро, – миф. Обычно хватает любой пули.

– Могу себе представить.

Пуля 30-го калибра (а Вики знала, что пуля меньшего ка-

⁵ Одинокый Рейнджер – вымышленный персонаж, бывший рейнджер, сражавшийся с бандитами на Диком Западе. Герой многочисленных экранизаций. Серебряные пули, которыми он стрелял, стали визитной карточкой бренда.

либра не сохранила бы форму, пройдя сквозь плоть и кости, а затем врезавшись в землю), выпущенная из скоростной винтовки, должна была оставить очень мало от головы Черного.

Она снова повернулась к Розе и Питеру, которые с застывшими лицами наблюдали за ней.

– Насколько я понимаю, рядом с телом вашей тети не нашли похожую пулю, иначе вы бы ее принесли?

Роза хмуро посмотрела на брата, и они оба покачали головами.

– Вообще-то это не имеет значения. Даже без пули я вижу почерк одного и того же стрелка. – Вики вздохнула и наклонилась вперед, положив предплечья на бедра. – И вот еще информация к размышлению: тот, кто стрелял в Черного, стрелял именно в вервольфа. Если один человек знает, что вы вервольфы, узнают и другие, это само собой разумеется. Возможно, тут действует общество...

– Охотников на ведьм, – тихо вставил Генри, когда она сделала паузу.

Вики кивнула, не сводя глаз с близнецов.

– Вы – иные, а большинство людей боятся иных. Они могут вымещать на вас свои страхи.

Питер обменялся долгим взглядом с сестрой и сказал:

– По-моему, вы усложняете. Наш старший брат служит в лондонской полиции, и Барри, его напарник, знает, что он вервольф.

– А его напарник – меткий стрелок?

С учетом всех обстоятельств это было не таким уж диким предположением. И вполне вероятно, что упомянутый напарник окажется владельцем винтовки 30-го калибра, ведь у любых шести человек в любом маленьком городке, скорее всего, полдюжины таких винтовок.

Близнецы кивнули.

Вики длинно, со свистом, выдохнула.

– Дело – дрянь. Ваш брат говорил о случившемся со своим напарником?

– Нет, дядя Стюарт не позволил. Он против того, чтобы обсуждать проблемы стаи с посторонними. Тетя Надин уговорила его позвонить Генри, а Генри убедил их обоих, что надо поговорить с вами, что вы, может быть, наш единственный шанс. Вы ведь поможете, мисс Нельсон? Дядя Стюарт сказал, мы должны согласиться на любые ваши условия.

Рука Питера снова лежала на колене Вики, и он смотрел с такой жаркой мольбой, что она, не подумав, выпалила:

– Вы хотите, чтобы я выяснила, что Барри этого *не* делал.

– Мы хотим, чтобы вы выяснили, *кто* это сделал, – поправила Роза. – Кто это делает. Кем бы они ни были.

Затем, всего на мгновение, она дала волю своему страху.

– Кто-то убивает нас, мисс Нельсон. Я не хочу умирать.

Это вывело дискуссию из области сказок.

– Я тоже не хочу, чтобы ты умирала, – мягко отозвалась Вики. – Но я, возможно, не самый лучший человек для такой

работы.

Она поправила очки и глубоко вздохнула. Оба убийства случились ночью, а ее зрение просто не позволяло ей работать после наступления темноты. Даже в городе ей приходилось нелегко, но в сельской местности, где нет уличных фонарей, чтобы помочь сориентироваться, она будет все равно что слепа. С другой стороны, разве у них есть выбор? Конечно, лучше она, чем ничего. И плохое зрение не повлияло ни на ее разум, ни на ее подготовку, ни на ее многолетний опыт. К тому же это важная работа, от которой зависит жизнь или смерть. Такая работа, какую до сих пор выполняет Селуччи.

Черт побери! Она сможет справиться со своей инвалидностью.

– Я не могу отправиться прямо сейчас. – Облегчение и надежда на лицах близнецов сказали Вики, что она приняла правильное решение. – К сожалению, у меня назначены встречи, которые я не могу отменить. Как насчет пятницы?

– Вечера пятницы, – мягко вмешался Генри. – После захода солнца. А пока никто не должен никуда ходить в одиночку. Никто. И Черного, и Серебрянку застрелили, когда они были одни, и это единственная часть привычной ситуации, которую вы можете изменить. Убедитесь, что остальные члены семьи это понимают. И, насколько возможно, оставайтесь дома, на глазах у других. Вообще-то, насколько возможно, оставайтесь на глазах у невервольфов. Кто бы ни был убий-

цей, он рассчитывает, что вы никому ничего не расскажете, поэтому при свидетелях вы должны быть в безопасности. Я что-нибудь позабыл, Вики?

– Нет, думаю, ничего.

Генри позабыл спросить ее мнение, прежде чем начать свою маленькую лекцию, но это они обсудят позже. Что касается его предложения поехать с ней... Что ж, это решало транспортную проблему и создавало множество новых проблем, с которыми предстоит разбираться опять-таки позже. Вики не предвкушала грядущие разборки.

– Мне нужно, чтобы за оставшиеся два дня вы составили список, – сказала она близнецам. – Даже два списка. Один – людей, которые знают, кто вы. Второй – людей, которые могут это подозревать. Выслушайте мнение всех членов своей семьи.

– Без проблем, сделаем.

Питер облегченно вздохнул и вскочил. Очевидно то, что Вики и Генри действовали как одна команда, и это не стало для него неожиданностью.

«Интересно, что Генри сказал им до моего появления?» – подумала Вики.

– Завтра первым делом я отнесу это на баллистическую экспертизу. – Она завернула пулю в салфетки и положила в один из маленьких зип-пакетов, которые всегда носила в сумочке. – Посмотрим, смогут ли мне что-нибудь сообщить о винтовке, из которой она была выпущена.

– Но Колин сказал... – начала Роза.

– Колин сказал, что расследование может привести к неудобным расспросам, – перебила Вики. – Ну, в Лондоне так бы и было, а учитывая, из какой вы семьи, понятно, что вам хочется этого избежать. Хорошие копы запоминают даже крохи информации, и если Колин будет раздавать серебряные пули, позже вас смогут разоблачить. Однако, – она повысила голос, чтобы придать ему больше убедительности, – здесь не Лондон, а Торонто. У нас криминальная база намного обширней, слава богу, и то, что я дала на экспертизу серебряную пулю, ничего такого не будет значить, даже если кто-нибудь потом об этом вспомнит.

Она перевела дыхание и сунула маленький пакетик с салфетками и пуль в укромный угол своей сумки.

– Но ничего особенного не ожидайте, дело запутанное.

– Хорошо. И мы скажем тете Надин, чтобы она ждала вас в пятницу вечером.

Питер улыбнулся с такой искренней благодарностью, что Вики почувствовала себя паршивкой из-за того, что у нее мелькнула мысль отказать им в помощи.

– Спасибо, мисс Нельсон.

– Да, спасибо. – Роза тоже встала и добавила свою спокойную улыбку к сияющей улыбке брата. – Мы действительно вам благодарны. Генри оказался прав.

То, что на этот раз Генри оказался прав, слегка утратило значение, когда Питер стянул с себя шорты. Наверное, Ви-

ки придется к этому привыкнуть, но в данный момент обнаженный молодой человек немного ее отвлек. Возвращение Шторма она встретила с облегчением. Он быстро встряхнулся и направился к двери.

– Почему... – начала Вики.

Роза поняла и усмехнулась.

– Потому что он любит ездить, высунув голову из окна машины. – Она вздохнула, запихивая сброшенные шорты в сумку. – В поездках с ним одно мучение.

– Что ж, ему явно не терпится отправиться в путь.

– Нам не очень нравится город, – объяснила Роза, сморщив нос. – Тут воняет. Еще раз спасибо, мисс Нельсон. Увидимся в пятницу.

– Не за что.

Генри проводил Розу до двери, еще раз предупредил брата и сестру, чтобы они были осторожны, и вернулся в гостиную. Выражение его лица заставило Вики забыть, что она собиралась обвинить его в самоуправстве.

– Что не так?

Золотисто-рыжие брови приподнялись.

– Моих друзей убивают, – тихо напомнил он.

Вики почувствовала, что краснеет.

– Прости. Трудно запомнить главное среди всех этих... – она махнула рукой, подбирая слово, – странностей.

– И все-таки это важно и об этом нужно помнить.

– Знаю. Знаю.

Она заставила себя не говорить обиженным тоном. Зря он напоминает ей, что важно.

– Ты ни на секунду не подумал, что я могу отказаться, да?

– За последние несколько месяцев я неплохо тебя узнал. – Выражение его лица смягчилось. – У тебя потребность быть нужной, а они нуждаются в тебе, Вики. Не так уж много частных детективов, которым можно доверить такое дело.

Само собой. Что касается ее потребности быть нужной, это несерьезное замечание легко было проигнорировать.

– Неужели все вервольфы настолько... – Вики не сразу подобрала подходящее слово. – Независимые? Если бы моя семья столкнулась с такими проблемами, я бы сходила с ума.

Почему-то Генри в этом сомневался, но все равно решил ответить на вопрос.

– С самого раннего детства вервольфов учат скрывать, кто они такие. Речь идет не только о физическом обличье, ради блага стаи они никогда не должны показывать свою уязвимость перед незнакомцами. Ты должна быть польщена, что они перед тобой так раскрылись. Кроме того, вервольфы, как правило, гораздо больше живут настоящим, чем люди. Они оплакивают своих мертвых, а потом продолжают жить. Не несут бремя вчерашнего дня, не предвкушают завтрашний.

Вики фыркнула.

– Очень поэтично. Но из-за этого им почти невозможно справиться с подобной ситуацией, не так ли?

– Потому они и обратились к тебе.

– А если бы меня не оказалось рядом?

– Тогда бы они погибли.

Вики нахмурилась.

– А почему ты не смог бы их спасти?

Генри пересел на свое обычное место у окна и прислонился спиной к стеклу.

– Потому что они мне не позволяют.

– Из-за того, что ты вампир?

– Стюарт не допустит, чтобы я бросил вызов его авторитету. Раз он не может спасти стаю, то не мне ее спасать – так он считает. Ты – женщина, а значит, ты – вызов для Надин, но Надин в данный момент опустошена потерей своей близняшки. Если бы ты была вервольфом, наверное, ты смогла бы занять место Надин в стае, но раз ты не вервольф, вы с ней должны поладить.

Генри покачал головой, увидев выражение ее лица.

– Нельзя судить их по человеческим меркам, Вики, какими бы человечными в большинстве случаев они ни выглядели. И уже поздно отступать – ты сказала Розе и Питеру, что поможешь.

Она вздернула подбородок.

– Я чем-то намекнула, что могу отказаться?

– Нет.

– Чертовски верно, я и не отказывалась.

Вики сделала глубокий вдох. Она работала с городским

советом Торонто, значит, сможет работать и с оборотнями. По крайней мере, вервольфы не станут на нее рычать и щелкать зубами впустую. Вообще-то вервольфы могут стать наименьшей из ее проблем.

– Возникнут трудности. Я имею в виду, из-за того, что дело буду вести я.

– Например, потому, что ты не водишь машину.

В голосе Генри слышалась улыбка.

– Нет, *настоящие* трудности.

Он повернулся и раскинул руки, отчего его волосы заблестели золотом в свете лампы.

– Так расскажи мне, какие трудности?

«Это называется пигментный ретинит. Я слепну. Я ничего не вижу ночью. У меня почти нет периферийного зрения».

Она не могла ему об этом рассказать. Она не выносила жалости к себе, а его жалости – тем более. Особенно после того, через что она прошла с Селуччи.

К бесу!

Вики поправила очки и покачала головой.

Генри уронил руки.

Спустя несколько мгновений, когда молчание слишком затянулось и стало неловким, он сказал:

– Надеюсь, ты не возражаешь, что я тебя пригласил. Мне подумалось, что в прошлый раз мы вдвоем составили неплохую команду. И еще мне подумалось – тебе не помешает небольшая помощь, чтобы справиться с... со странно-

стями.

Ей почти удалось непринужденно рассмеяться.

– Я выполняю дневную работу, а ты прикрываешь меня ночью?

– Да, как и в прошлый раз.

Генри прислонился спиной к стеклу и наблюдал, как Вики прокручивает это в голове, анализируя, разбирая на части. Вики была одной из самых упрямых, независимых и любящих спорить женщин, с какими он встречался за четыре с половиной столетия, и ему хотелось, чтобы она ему доверилась. В чем бы ни заключалась трудность, они справятся с этим вместе, ведь никакая трудность не могла быть настолько серьезной, чтобы помешать Вики всей душой отдаться расследованию дела. Он не допустит, чтобы что-то ей помешало. Его друзей убивали.

– *Я не хочу умирать, мисс Нельсон.*

– *Я тоже не хочу, чтобы ты умирала, Роза.*

Вики прикусила губу. Если они с Генри будут работать вместе, рано или поздно он обо всем узнает. Надо решить, важнее ли ее тайна, чем новые смерти невинных людей. Если смотреть на дело под таким углом, у нее просто нет выбора, верно? Если одна Вики – не лучший шанс для вервольфов, то вдвоем с Генри они точно лучший шанс.

«К черту! Мы с этим разберемся».

Генри заметил, как изменилось выражение ее лица, и улыбнулся. За свою долгую жизнь он научился очень хо-

рошо читать по лицам людей, улавливать тонкие нюансы, отражающие их сокровенные мысли. Вики редко скрывала то, что думала, и прочесть ее мысли было так же легко, как и надпись на рекламном щите.

– Что ж, в пятницу вечером, после захода солнца, можешь за мной заехать.

Он поклонился с насмешливой улыбкой.

– Как прикажет моя госпожа.

Вики ответила улыбкой на улыбку, зевнула и потянулась, выгнув спину и раскинув руки на красном бархате.

Генри смотрел, как бьется жилка у основания ее шеи. Он не ел уже три ночи, в нем поднимался голод.

Вики его хотела. Он чувствовал ее желание почти всегда, когда они были вместе, но сдерживался, потому что весной она потеряла много крови. А еще сдерживался потому, что дожидался правильного момента. Единственный раз, когда он ею кормился, был продиктован такой безумной необходимостью, что Вики пропустила все дополнительные удовольствия, которые этот акт мог бы принести им обоим.

Аромат ее жизни наполнил комнату, и Генри пошел к ней, шагая в такт биению ее сердца. Подойдя к дивану, он протянул руку, Вики приняла ее и встала.

– Спасибо.

Она снова зевнула и выпустила его руку, чтобы прикрыть ладонью рот.

– Боже, я как сонная муха. Не поверишь, в какую рань

я сегодня встала, а потом весь день проработала практически на двух работах на фабрике, где жара градусов восемьдесят. – Перекинув ремешок сумки через плечо, она зашагала к двери. – Не провожай меня. Буду ждать тебя в пятницу после захода солнца.

Она весело помахала рукой, перед тем как выйти.

Генри открыл рот, чтобы возразить, закрыл его, снова открыл и вздохнул.

К тому времени, как лифт спустился в вестибюль, Вики сумела перестать смеяться. Ошеломленный взгляд Генри был бесценен, она отдала бы год своей жизни, чтобы иметь под рукой фотоаппарат. Если его королевское высочество, князь нежити думает, что у него все под контролем, пусть подумает еще раз.

Чтобы выйти из квартиры Генри, Вики понадобилась чуть ли не вся ее сила воли, но дело того стоило.

– Лиха беда начало, – пробормотала она себе под нос, вытирая потные ладони о шорты. – Может, в старых маминых пословицах больше смысла, чем я думала.

Все еще улыбаясь, раскрасневшаяся от ощущения победы, она села в такси, откинулась на спинку сиденья и посмотрела на нечеткие прямоугольники света – окна в доме Генри. Она не видела Фицроя, не могла даже сказать наверняка, который из нечетких прямоугольников – его окно, но Генри наверняка смотрел на нее из своей квартиры. Желая ее.

Точно так же, как она желала его... Внезапно Вики почувствовала себя подростком, чьи гормоны только что вышли из-под контроля. Почему, черт возьми, она не там, наверху, вместе с ним?

Она уронила голову на потную кожу сиденья и вздохнула.

– Я такая идиотка.

– Может быть, – согласился таксист, оборачиваясь с золотозубой улыбкой. – Хотите стать едущей куда-то идиоткой? Счетчик работает.

Вики впилась в него взглядом.

– Гурон-стрит, – прорычала она. – К югу от Колледжа. Просто рули, и все!

Таксист фыркнул и снова уставился вперед.

– Если вам не повезло в любви, леди, это не причина срываться на мне.

Недовольное бормотание таксиста слилось с шумом дорожного движения.

Всю дорогу по Блур-стрит Вики чувствовала затылком взгляд Генри. Ночь обещала быть долгой.

Запись кончилась, и Роза пошарила между сиденьями в поисках новой кассеты. После длинной поездки из Торонто она чувствовала себя усталой, разбитой и слишком напряженной, чтобы оторвать взгляд от дороги... Хотя до дома остался всего какой-то километр гравийной дороги.

– Эй! – Она ткнула брата в спину. – Почему бы тебе не сде-

лать что-нибудь полезное и не вытащить... Шторм, держись!

Она ударила по тормозам.

Задняя часть маленькой машины затряслась по гравию, руль крутился в руках Розы, как живое существо. Она пыталась снова взять машину под контроль, смутно сознавая, что рядом с ней держится Питер, а не Шторм.

«Ничего не выйдет!»

Тень, которую она заметила, протянулась поперек дороги, стала темнее, ближе. И еще темнее и ближе.

Потом, как раз в тот миг, когда Роза подумала, что сумеет вовремя остановиться, когда от облегчения ее сердце забилось снова, передний бампер и тень соприкоснулись.

Хорошо. Они невредимы.

В его планы не входило, чтобы они погибли в автомобильной аварии. Жаль, что пришлось оставить обычные охотничьи угодья из-за сменившегося ветра, но это не повод вовсе отказаться от охоты.

Он прижался щекой к прикладу винтовки, наблюдая в оптический прицел за тем, что происходит на дороге.

Они недалеко от дома. Один из них отправится за помощью, оставив другого в его власти.

– Думаю, папа с самого начала был прав: это старое дерево – сплошное гнилье. Сгнило до самых корней. – Питер взгромоздился на багажник, смахивая в свете фар на рыже-

волосого Пака. — Думаешь, получится его сдвинуть?

Роза покачала головой.

— Вдвоем — нет. Лучше беги домой и приведи помощь. Я подожду у машины.

— Почему бы нам не пойти обоим?

— Потому что я не хочу бросать машину в лесу. — Она откинула волосы с лица. — Тут бега-то на пять минут, Питер. Со мной все будет в порядке. Боже, в последнее время ты слишком меня опекаешь.

— Вовсе нет! Просто...

Они одновременно услышали шум приближающегося грузовика. Спустя мгновение Роза и Шторм обогнули машину, чтобы встретить его.

Только ферма Хиркенсов выходила на эту дорогу.

Только Хиркенсы ездили здесь ночью.

Он крепче сжал металл винтовки вспотевшими руками.

— Сегодня на перекрестке разлили масло, такая ужасная вонь. — Фредерик Кляйн подтянул штаны на круглом животе и добродушно улыбнулся Розе. — Я решил ехать домой длинным путем, чтобы не задохнуться. Повезло вам, да? Сейчас снимем цепь с грузовика, прицепим к стволу и оттащим дерево на обочину.

Он легонько ухватил Шторма за морду и покачал его голову из стороны в сторону.

– А может, привязать к дереву тебя? Заставить хоть немножко потрудиться, бездельник.

Нет более слепых, чем те, кто не хочет видеть...

Теперь у него не было шансов выстрелить.

– Спасибо, мистер Кляйнбейн.

– Да ладно, не благодарите. Ты сделала половину работы, а вторую половину сделал грузовик.

Кляйнбейн высунулся из окна, вытирая лоб белоснежным носовым платком.

– Ты и твой щенок-переросток возвращаетесь домой, да? Скажи отцу, что часть сухостоя у вершины все еще годится на дрова. Если ему не нужны те деревья, то мне нужны. И передай еще, что я верну ему насос до конца месяца.

Роза отступила, когда Кляйнбейн включил передачу. Он сказал еще что-то сквозь звук работающего двигателя. Она не расслышала – что именно, и шагнула вперед.

– Что?

Но он только махнул мясистой рукой и уехал.

– Он сказал: «Передай привет своему брату», – сообщил Питер, как только задние габариты грузовика скрылись из виду и стало можно без опаски перекинуться. – А потом рассмеялся.

– Как думаешь, он тебя видел, когда подъезжал?

– Роза, он сказал совершенно нормальную вещь. Возмож-

но, он имел в виду не меня, а Колина. В конце концов, Колин раньше помогал ему таскать сено. Ты слишком беспокоишься.

– Может быть, – призналась она.

Но, когда Шторм снова высунул голову из окна, про себя добавила: «А может быть, и нет».

Он оставался на месте, наблюдая, как они уезжают, потом вынул серебряную пулю из винтовки и положил в карман.

Придется приберечь ее для следующего раза.

– Вы уверены? – Старший мистер Глассман постучал на маникюрным ногтем по отчету. – Это будет иметь силу в суде?

– Вне всяких сомнений. Здесь все, что вам нужно.

Вики за спиной барабанила пальцами правой руки по ладони левой. Каждый раз во время встреч со старшим мистером Глассманом она вставала по стойке «вольно», сама не понимая почему. Глассман не был внушительным мужчиной и ничуть не походил на военного, поэтому дело было, наверное, в силе его личности. Хотя войну он прошел почти ребенком, ему удалось не только выжить в лагерях смерти во время Холокоста, но и помочь выжить в этом аду своему младшему брату Джозефу.

Мистер Глассман закрыл папку с отчетом и глубоко вздохнул.

– Харрис.

Его голос звучал скорее устало, чем сердито, хотя это имя положило конец месяцам мелкого саботажа.

– Благодарю за оперативно выполненную работу, мисс Нельсон.

Он встал и протянул руку. Приняв ее, Вики отметила, насколько сильным было рукопожатие, несмотря на мягкость ладони.

– Вижу, вы приложили к отчету свой счет, – продолжал мистер Глассман. – Мы выпишем чек в конце недели. Полагаю, вы готовы в случае необходимости появиться в суде?

– Это входит в мои услуги, – заверила она. – Если понадобится, я приду.

– Эй, куколка! – Харрис, гревшийся на солнышке во время обеденного перерыва в обществе двух приятелей, тяжело поднялся на ноги, когда Вики вышла из дома. – Сматываешь удочки, да? Не справилась?

Вики не собиралась удостаивать его даже взглядом.

– Жаль, что твоя маленькая упругая попка теперь будет вялить где-то в другом месте.

«Хотя, если подумать...»

Он рассмеялся, увидев выражение ее лица, и продолжал смеяться, когда она пересекла парковку и встала перед ним.

Харрис в молодости занимался спортом и имел крепкое телосложение человека, некогда бывшего мускулистым; фут-

болка «Блю Джейс» туго обтягивала пивной живот, заменивший ему талию. Он был из тех ржущих идиотов, которых все склонны оправдывать: «Не обращай на него внимания, он просто всегда такой». Вики считала таких типов самыми опасными, и на этот раз он перешел все границы. Пусть жалуются хоть до самого суда, что люди не понимают шуток.

– В чем дело, куколка? Не можешь же ты уйти без прощального поцелуя!

Он обернулся, чтобы убедиться, что двое типов, все еще сидевших неподалеку, оценили его шутку, поэтому не заметил выражения лица Вики.

У нее был прескверный вечер. Она пребывала в прескверном настроении. И она отчаянно желала выместить злость на этом сукином сыне, расисте и сексисте. Ну и что же, что он выше ее на добрых четыре дюйма и, вероятно, на сотню фунтов тяжелее? Она не сомневалась, что легко усадит его на задницу...

«Соблазнительно, но нет».

Хотя она сощурилась и сжала зубы, годы служения закону научили ее сдерживаться.

«Он того не стоит».

Вики уже хотела уйти, когда Харрис развернулся и, широко ухмыляясь, шлепнул ее по задку.

Вики улыбнулась.

«Да ладно, какого черта?»

Она пнула его с разворота – не так сильно, как могла, –

по внешней части левого колена. Харрис упал, взревев от боли, как будто у него отнялись ноги. Удар чуть ниже ребер – и воздух с болезненным вздохом вырвался из его груди. Удержавшись от того, чтобы пнуть в самое чувствительное место, Вики ублажила себя хорошо нацеленным пинком в зад, когда Харрис подтянул колени к груди. Улыбнулась его приятелям и пошла дальше.

Он может выдвинуть обвинения, но вряд ли это сделает. Ранен он не был, и Вики могла поспорить, что, едва отдышавшись, он тут же начнет подгонять факты под свою картину мира... В которую не укладывалось то, что его может уложить женщина. Вики знала, что не отделалась бы так легко, если бы все еще имела полицейский жетон, ведь такие, как Харрис, обожают, сбившись в стаи, вопить о жестокости полиции.

Поправив очки, она побежала к автобусу, который показался на эстакаде Эглингтон-авеню.

«А ведь мне, пожалуй, может понравиться быть гражданским лицом».

Ее эйфория испарилась вместе с адреналином, и кризис совести настиг Вики всего в двух кварталах от автобусной остановки. Ее расстраивало не столько то, что она дала себе волю, сколько собственная реакция: она так и не почувствовала раскаяния, как ни старалась. Харрис не получил и малой доли того, чего заслуживал.

К тому времени, как Вики пробилась на заднюю площадку

автобуса, чтобы выйти на своей остановке, ее уже тошнило от всей этой истории.

«Насилие никогда не решает проблем, но иногда – если, например, иметь дело с тараканами – без него не обойтись».

Отодвинув с дороги двух впавших в ступор подростков, Вики успела в последнюю секунду выскочить за дверь.

«Харрис – таракан, и – конец дискуссии».

Было слишком жарко, чтобы долго рассуждать на этические темы. Вики пообещала себе сделать еще одну попытку, когда похолодает. Чувствуя жар асфальта сквозь подошвы кроссовок, шагая как можно быстрее в плотной толпе, она повернула на Гурон-стрит, к своему дому.

Улицы Дандас и Гурон пересекались в центре Чайна-тауна; вокруг было полно ресторанов и крошечных рынков, где торговали экзотическими овощами и живой рыбой. В жаркую погоду металлические контейнеры с пищевым мусором нагревались, и тогда окрестности пропитывались совершенно неаппетитными запахами. Неглубоко дыша через рот, Вики ясно поняла, почему вервольфы торопились покинуть город.

Она мимоходом бросила взгляд на *лужищу*. Прижавшаяся к бордюру в том месте, где асфальт отслаивался и не хватало нескольких плит брусчатки, лужа собирала местные стоки и различные органические отходы. Когда становилось жарче, мерзко пахнущие пузырьки время от времени прорывались сквозь пену на поверхности, добавляя свою нот-

ку благоухания к букету. Вики понятия не имела, насколько глубока лужа, но за пять лет она ни разу не видела это место сухим. Теоретически однажды что-то могло воспользоваться из миски с остатками первобытного супа и начать терроризировать окрестности, поэтому Вики тщательно следила за лужей – чтобы не прозевать, когда такое случится.

К тому времени, как она добралась до квартиры, она обливалась потом и хотела только одного: принять холодный душ и выпить что-нибудь еще похолоднее. Но Вики поняла, что не скоро доберется и до того и до другого, потому что, вставляя ключ в замок, ощутила запах кофе.

– Сто двенадцать градусов в тени по Фаренгейту, – пробормотала она, распахивая дверь. – Как, черт возьми, сейчас можно пить горячий кофе?

Она не ожидала, что ей ответят, и правильно делала.

Защелкнув замок, Вики бросила сумку в прихожей и прошла в крошечную гостиную.

– Как мило, что ты заглянул, Селуччи. – Она нахмурилась. – Выглядишь дерьмово.

– Спасибо, мать Тереза. – Он поднес кружку к губам, едва оторвав голову от спинки кресла, и сделал большой глоток, а закончив пить, встретился с ней взглядом. – Мы поймали сукина сына.

– Марго?

Селуччи кивнул.

– Взяли тепленьким. Сцапали маленького ублюдка в пол-

день.

«В полдень. Пока я доказывала, что я – мачо круче самого Билли Харриса».

На мгновение слепая зависть лишила Вики дара речи. Вот чем стоило бы заниматься – что-то менять в этом мире, а не валять дурака на парковке кофейной фабрики. Закусив нижнюю губу, она сумела загнать внутреннего монстра обратно в бездну, хотя и не смогла выдавить из себя улыбку.

– Хорошо сработано.

Когда Вики снова впустила Майка Селуччи в свою жизнь, вместе с ним она впустила и полицию. Ей просто нужно было научиться мириться с этим.

Он кивнул, на его лице была усталость и ничего больше. Вики почувствовала, как ее плечи расслабились. Либо он все понял, либо слишком устал, чтобы устраивать сцену. В любом случае она справится.

Она потянулась и взяла из его рук пустую кружку.

– Когда ты в последний раз спал?

– Во вторник.

– А ел?

– Э-э... – Он нахмурился и потер глаза рукой.

– По-настоящему ел, – подсказала Вики. – А не что-то из коробки, посыпанное сахарной пудрой.

– Не помню.

Покачав головой, она пошла на кухню.

– Сначала бутерброд, потом спать. И лучше не отказывай-

ся от холодного ростбифа, потому что больше у меня ничего нет.

Кладя мясо на хлеб, она ухмыльнулась. Почти как в старые добрые времена. Они с Селуччи заключили договор много лет назад, когда стали жить вместе: если один из них не сможет позаботиться о себе, он позволит это сделать другому.

– У нашей работы достаточно способов сожрать твою душу, – сказала Вики (Селуччи массировал напряженные мускулы ее спины). – Так что есть смысл создать свою личную службу поддержки.

– А может, ты просто хочешь иметь возможность похвастаться перед кем-то выполненной работой? – фыркнул он.

Вики ткнула его локтем в солнечное сплетение и мило улыбнулась, когда он резко вдохнул.

– И это тоже, – сказала она.

Хорошо, когда есть тот, кто понимает, что все в порядке, но важно иметь и того, кто понимает, что все не в порядке, не задает кучу глупых вопросов, не имеющих ответов, и не растравляет сочувствием рану, нанесенную неудачей. Человек, который просто сделает бутерброд и застелет постель, а потом уйдет, оставив мятым и потным последний комплект чистых простыней.

Шесть часов спустя Селуччи, спотыкаясь, вышел в гостиную и затуманенным взглядом уставился в телевизор.

– Который иннинг?

– Заканчивается четвертый.

Он рухнул в единственное оставшееся свободное кресло. Вики прочно обосновалась в другом.

– Сколько забито голов? – спросил он, почесывая волосатую грудь.

– Это пробежки, придурок, как тебе прекрасно известно, а пока игра шла без пробежек.

Его желудок громко заурчал, перекрывая шум толпы, приветствовавшей аут.

– Как насчет пиццы?

Вики бросила ему телефон.

– Это мой дом, поэтому платишь ты.

В коробке остывал последний кусочек пиццы, «Джейс» удалось получить и удержать лидерство в двух пробежках, когда Вики сказала, что направляется в Лондон.

– В Англию?

– Нет, в Онтарио.

– Новое дело?

– Угадал с первого раза.

– Что расследуешь?

«Ищу человека или людей, которые убили вервольфов-овцеводов серебряными пулями».

По крайней мере, это была настоящая работа. Важная.

– Мм, я не могу тебе сейчас сказать. Может, позже.

«Лет эдак через миллион...»

Селуччи нахмурился. Вики что-то скрывала. Он всегда это чувствовал.

– Как ты туда доберешься? Поездом? Автобусом? – Вытянув ногу, он ткнул ее в бок босой ступней. – Трусцой?

Вики фыркнула.

– Это не у меня есть лишний жирок.

Селуччи невольно втянул живот. Вики ухмыльнулась, когда он заставил себя расслабиться, притворившись, что ничего такого не делал.

«Зря старался, – подумала она, – потому что сейчас снова напряжется».

– Генри подвезет меня завтра вечером.

– Генри? – Селуччи постарался говорить нейтральным тоном.

Конечно, она имела полное право проводить время с кем пожелает, но в Генри Фицрое было нечто такое, что Селуччи определенно не нравилось. Небрежные расспросы не заставили его изменить свое мнение... Они вообще ничего не дали.

– Он как-то связан с этим делом?

Последнее дело Вики, в которое был вовлечен Генри Фицрой, закончилось тем, что она полумертвой упала к ногам монстра из малобюджетного фильма. Селуччи тогда не был впечатлен.

Вики поправила очки, решая, как много можно сказать.

– Люди, на которых я работаю, – его друзья.

– Он останется там после того, как тебя забросит, или уедет? – Правильно истолковав ее нахмуренные брови, Селуччи добавил: – Успокойся. Ты знаешь не хуже меня, сколько проблем может создать гражданское лицо, впускаясь в расследование. Я просто хочу убедиться, что ты не усложняешь себе жизнь.

Он понял, что не убедил Вики в столь невинной подоплеке своего вопроса. Круть.

– Прежде всего, Селуччи, постарайся не забывать, что я сама теперь гражданское лицо.

Он хмыкнул, и Вики бросила на него сердитый взгляд.

– Во-вторых, он просто подвезет меня и посвятит в некоторые детали этой истории. Вмешиваться он не будет.

«Он будет помогать. Мы будем работать вместе».

Она не собиралась говорить Майку Селуччи ничего подобного, тем более что сама еще не разобралась, что думает по этому поводу. К тому же у нее тогда потребовали бы объяснений, давать которые она не имела права. И, черт возьми, какое Селуччи дело, хочет она работать с Генри Фицроем или нет?

Селуччи правильно угадал последнюю мысль по выражению ее лица.

– Я думаю о твоей карьере, а не о твоей сексуальной жизни, – прорычал он, допивая последние капли тепловатого пива. – Выбрось из головы грязные мыслишки, Вики.

– Ах, это у меня грязные мыслишки?

Пришел ее черед хмыкнуть. Она вылезла из кресла, отлепившись от винила с болезненным лопающимся звуком.

– Не я подняла эту тему. Но если уж на то пошло...

Он расценил ее следующее движение как отвлекающий маневр, попытку переключить его внимание с Генри Фицроя. Как отвлекающий маневр это сработало неплохо, и он решил подыграть. Он еще успеет слегка покопаться в прошлом неуловимого мистера Фицроя.

На полпути к спальне Селуччи спросил с насмешливой серьезностью (или настолько серьезно, насколько мог, поскольку стал слегка задыхаться):

– А как же игра?

– Они выигрывают на два очка, и в запасе у них еще два с половиной иннинга, – пробормотала Вики. – Не сомневаюсь – они смогут победить и без нас.

Прокусив вену на запястье Тони, Генри поднял глаза и обнаружил, что взгляд молодого человека прикован к нему. Зрачки Тони расширились, он жадно наблюдал, как вампир утоляет жажду.

Когда все закончилось и Генри убедился, что коагулянт в его слюне остановил кровотечение, он приподнялся на локте и спросил:

– Ты всегда наблюдаешь?

Тони сонно кивнул.

– В этом есть нечто будоражащее – видеть, как ты это де-

лаешь.

Генри засмеялся, а Тони невозмутимо откинул длинную прядь каштановых волос со лба. Последние пять месяцев (после того, как Вики уговорила юношу спасти ему жизнь) Генри пил кровь Тони так часто, как только мог, не подвергая опасности жизнь донора.

– И за чем же еще ты наблюдаешь?

Тони ухмыльнулся.

– Я не помню. Ты против?

– Нет. Приятно не скрывать, кто я такой.

Окинув взглядом Генри, Тони зевнул.

– Да уж, теперь мало что скрыто, – пробормотал он. – Ты проведешь здесь выходные?

– Нет. Мы с Вики едем в Лондон. Кое-кто из моих друзей попал в беду.

– Они тоже вампиры?

– Вервольфы.

– Потрясающе.

Слово прозвучало невнятно, голос Тони стал едва слышен. Его глаза закрылись, и он погрузился в сон.

«Очень приятно не скрывать, кто я такой», – подумал Генри, наблюдая, как жилка на шее Тони бьется медленней и ровнее.

Прошло много времени с тех пор, как вампир позволял себе роскошь снять маску, и теперь не один, а сразу два смертных знали его таким, каков он есть.

Улыбнувшись, он погладил большим пальцем мягкую кожу на внутренней стороне запястья Тони. Поскольку Генри не мог пить кровь вервольфов, эта поездка наконец позволит ему и Вики... Узнать друг друга получше.

Глава 3

«ДЖЕЙС» ПРОИГРАЛИ В ДЕВЯТОМ ИННИНГЕ.

– Проклятье!

Вики, прищурившись, посмотрела на заголовок и решила, что не стоит отдавать тридцать центов за то, чтобы узнать, как «Джейс» облажались на этот раз. Поскольку трамвай еще не появился, она прислонилась к газетному автомату – и сразу пожалела об этом: автомат весь день грелся под августовским солнцем, и на его металлической поверхности можно было жарить стейк.

– Только ожога мне и не хватало, – проворчала она, потирая покрасневшее предплечье.

Глаза Вики зудели и болели от капель и после линз, в которые заставил ее смотреть офтальмолог, а теперь она поджарила шесть квадратных дюймов своей кожи. А трамвая до сих пор не было.

«К черту. С тем же успехом я могу пройти пешком, пока еще вижу тротуар».

Вики пнула газетный автомат и вышла на улицу, бросив вызов «Камаро», пересекавшему Бродвей на желтый свет. Она увернулась от переднего крыла, и водитель начал сигналить, но она повернулась к нему с таким выражением лица, что парень, сжав зубы, удержался от нецензурного комментария. Очевидно, не все молодые мужчины, едущие на «Ка-

маро», склонны к суициду.

Вики пошла по мосту Джерард-стрит, видя все как в тумане, стараясь держать себя в руках. До сегодняшнего утра она думала, что смирилась с болезнью глаз, которая вынудила ее уволиться из городской полиции. Она не радовалась болезни, ни в коем случае, но гнев и жалость к себе перестали быть в ее жизни мотивирующими факторами. Многие, очень многие люди с пигментным ретинитом видели еще хуже. Но было трудно не обращать внимания на глаза, если за последний месяц у нее вдвое ухудшилось периферическое зрение и почти совсем исчезла и без того скверная способность видеть в полутьме. Мир для нее быстро сужался до размеров слайд-шоу.

Щелк – уяснить, что перед тобой. Повернуть голову. Щелк – уяснить, что теперь перед тобой. Повернуть голову. Щелк – уяснить, что теперь перед тобой. Эй, не мог бы кто-нибудь включить свет, пожалуйста!

«Какой, черт возьми, от меня будет толк стае вервольфов? Как я остановлю убийцу, которого не вижу?»

Более рациональная часть ее разума попыталась возразить, что вервольфы наняли ее из-за детективных способностей и опыта, а не из-за острого зрения, но Вики отмахнулась от этих доводов.

«Может, мне повезет, и выяснится, что один из них прошел выучку на собаку-поводыря».

– Эй! Виктория!

Нахмурившись, она оглянулась. Гнев привел ее чуть ли не к перекрестку Парламент-стрит и Джерард-стрит – она и не думала, что забрела так далеко.

– Что ты делаешь в этой части города?

Неторопливо приближаясь, Тони с ухмылкой ответил вопросом на вопрос:

– А где твое «привет, как дела»?

Вики вздохнула и постаралась не огрызнуться. Когда она обратилась к Тони за помощью и они спасли Генри, их отношения шагнули с отношений полицейского и ребенка на новую ступень... Хотя Тони уже не был ребенком. Четыре года назад, когда Вики впервые его поймала, он был тощим пятнадцатилетним бузотером. За эти годы он стал ее лучшими глазами и ушами в городе. Теперь они, казалось, продвигались к отношениям равных, но от старых привычек трудно избавиться, и Вики все еще чувствовала, что отвечает за парня.

– Ладно. – Она смахнула каплю пота с подбородка. – Привет, как дела?

Тони пристроился рядом и небрежно поинтересовался:

– Интересно, почему каждый раз, когда ты спрашиваешь: «Как дела?» – я слышу: «В какое дерьмо ты вляпался»?

– Ну и в какое?

– Да ни в какое.

Вики, повернув голову, посмотрела на Тони, но тот лишь

блаженно улыбнулся – воплощение оскорбленной невинности. Она должна была признать, что выглядит парень хорошо: ясные глаза, чистые волосы, и он начал набирать вес.

– Рада за тебя. Теперь вернемся к моему первому вопросу: что ты делаешь в этой части города?

– Я здесь живу.

Он обрушил на нее эту новость со всей наигранной небрежностью, на какую способен юноша почти двадцати лет.

– Ты – что?

Она воскликнула это, чтобы доставить удовольствие Тони, поскольку тот явно ждал этого восклицания. Вики и сама начала чувствовать себя лучше, радуясь за него.

– Ну, у меня просто комната в подвальном этаже. – Он пожал плечами, дескать, ничего особенного. – Но там есть ванная. У меня никогда раньше не было ванной.

– Тони, а чем ты платишь за жилье?

Он никогда не упускал возможности подцепить клиента, и Вики чертовски надеялась, что Тони не перешел на полный рабочий день... Не только потому, что это было незаконно, но и потому, что призрак СПИДа теперь грозным призраком стоял за каждой такой встречей.

– Я мог бы сказать, что это не твое дело... – Вики нахмурилась, и он умиротворяюще поднял руки. – Но не скажу. Я нашел работу. Приступаю в понедельник. Генри знает одного контрагента, которому нужен помощничек.

– Кто-кто?

– Парень на низкооплачиваемую работу.

– Генри нашел тебе работу?

– Ага. И жилье тоже.

За все время ее знакомства с Тони самое большее, что он соглашался у нее принять в обмен на информацию, – это еду или немного налички. Генри Фицрой знал его меньше пяти месяцев и уже дирижировал его жизнью. Вики пришлось разжать зубы, прежде чем она смогла заговорить.

– Ты много времени проводишь с Генри?

В ее голосе прозвучала резкая нотка, и Тони окинул ее оценивающим взглядом, слегка прищурившись от яркого послеполуденного солнца.

– Не так чтоб много. Слыхал, ты собираешься в эти выходные повыть с ним вместе на луну.

Вики нахмурилась, а Тони подался ближе и, превосходно имитируя голос из детского фильма ужасов, произнес:

– Вервольфы.

– Он и с тобой тоже обсуждал это дело?

– Эй, только упомянул.

– Странно, что не пригласил тебя к нам присоединиться.

– Боже, Виктория. – Тони покачал головой. – С тобой просто невозможно разговаривать, когда ты в таком настроении. Иди переспи с кем-нибудь или еще как-нибудь развейся, а?

Он жизнерадостно помахал рукой и умчался, чтобы успеть вскочить в остановившийся на светофоре трамвай.

Ответ Вики затерялся в шуме уличного движения – и это, наверное, было к лучшему.

– Я что-то не так сказал?

Вики даже не потрудилась оторвать голову от холодного стекла окна машины. Уличные фонари все равно дают слишком мало света, так зачем поворачиваться к мужчине, которого не можешь видеть.

– Ты о чем?

Ее тон был настолько агрессивным, что Генри улыбнулся. На мгновение он сосредоточился на дороге, чтобы втиснуть BMW в скудное пространство между двумя автомобилями, затем выехал на свободное место, где достиг пределов разрешенной скорости, прежде чем снова вписаться в плотное движение.

– Ты не сказала мне и двух вежливых слов с тех пор, как я за тобой заехал. Вот и интересуюсь – не разозлил ли я тебя чем-нибудь.

– Нет. – Она сменила позу, побарабанила пальцами по колену и глубоко вздохнула. – Да.

Нельзя позволять личным разногласиям влиять на ход дела, которое и без того обещает быть достаточно сложным. Если не разобраться с этим сейчас, потом все может стать намного опаснее.

– Я недавно разговаривала с Тони.

– А! – Насколько он понял – ревность. – Ты знаешь, что

я должен питаться от многих смертных, Вики, и однажды ночью ты сама выбрала...

Она повернулась и впилась взглядом в его неясные очертания на фоне противоположного окна.

– Какое, черт возьми, это имеет отношение к делу? – Она ударила левым кулаком по приборной панели. – Четыре года я не могла заставить Тони взять у меня ничего, кроме пары гамбургеров и жалкой мелочи. А теперь ты вдруг нашел ему работу и жилье.

Генри нахмурился.

– Не понимаю, в чем тут проблема. – Он знал, что Вики неподдельно сердита – ее дыхание и сердцебиение ускорились. Но если ее беспокоит не сексуальный аспект... – Ты что, не хочешь, чтобы Тони убрался с улиц?

– Конечно, хочу, но...

«Но я хотела сама его спасти».

Она не могла так сказать, это прозвучало бы ужасно мелко. Хотя и абсолютно правдиво. Гнев внезапно уступил место смущению.

– Но я не знаю, как тебе удалось это проделать, – неуверенно закончила Вики.

Пауза и смена ее настроений так же ясно сказали Генри, что у нее на уме, как если бы она облекла свои мысли в слова. Но четыреста пятьдесят лет научили его осторожности, и Генри осмотрительно отозвался только на высказанное вслух:

– Меня воспитывали с тем, чтобы я заботился о своих людях.

Вики фыркнула, радуясь возможности сменить тему.

– Генри, твой отец был одним из величайших тиранов в истории, сжигавшим и протестантов, и католиков. Любые акты неповиновения ему, как личные, так и политические, обычно заканчивались смертью его оппонента.

– Согласен, – мрачно согласился Генри. – Тебе не нужно меня убеждать. Я был там. К счастью, меня воспитывал не отец.

Внебрачный сын Генриха VIII смотрел на отца с благоговением, как на икону. Больше того – его отец был королем в те времена, когда король считался всем.

– Герцог Норфолк позаботился о том, чтобы меня научили обязанностям принца.

И только судьба помешала смерти герцога Норфолка стать последней смертью в царствование короля Генриха.

– А Тони что, один из «твоих людей»?

Он не обратил внимания на сарказм.

– Да.

Вики поняла: для него все так просто, как он сказал. И она не могла отрицать, что Тони принял помощь Генри, хотя никогда не соглашался на ее помощь. Вики так и подмывало спросить: «Я тоже твой человек?» – но она не спросила. Неправильный ответ, скорее всего, привел бы ее в ярость, а она понятия не имела, какой ответ сочла бы правильным.

Мгновение она возилась с решеткой кондиционера, потом сказала:

– Что ж, расскажи мне о вервольфах.

Эта тема наверняка будет безопаснее.

– С чего мне начать?

Вики возвела глаза к небу.

– Как насчет самых основ? В полицейской академии не преподавали ликантропию.

– Хорошо.

Генри побарабанил пальцами по рулю и на мгновение задумался.

– Для начала – можешь забыть все, что когда-либо видела в кино. Если тебя укусит оборотень, ты просто истечешь кровью. Люди не могут стать вервольфами.

– Это подразумевает, что вервольфы не люди.

– Они и вправду не люди.

– Тогда кто же они – маленькие пушистые существа с альфы Центавра?

– Нет, согласно древнейшей из их легенд, они прямые потомки волчицы и древнего бога охоты. – Генри поджал губы. – В легенду верят почти все стаи, хотя имя бога варьируется в зависимости от места обитания вервольфов. Когда начали распространяться древнегреческие и римские религии, оборотни стали называть себя избранниками Дианы, охотничьей сворой этой богини. Христианство добавило историю о Лилит, первой жене Адама, которая, покинув сад, легла

с волком, созданным богом на пятый день, и родила ему детей.

– А ты во что веришь?

– Что много есть на небесах и на земле такого, что и не снилось вашим мудрецам.

Вики фыркнула.

– Отговорка, – пробормотала она. – И ты переврал цитату.

– Откуда тебе знать? Вспомни – я слышал первоначальную версию «Гамлета». Труднее всего было убедить Шекспира не называть бедного парня Йолафом. – Генри говорил совершенно серьезно, но, должно быть, разыгрывал ее. – Йолаф, принц Датский. Можешь себе такое представить?

– Не могу. И меня не волнует мифология вервольфов. Я хочу знать, чего ожидать сегодня вечером.

– Что ты знаешь о волках?

– Только то, что узнала из выпусков «National Geographic» на канале PBS. Наверное, злостная клевета на волка, сочиненная братьями Гримм, не в счет?

– Хорошо, оставим в стороне братьев Гримм. Вервольфы в социальном плане мало чем отличаются от волков. Каждая стая состоит из членов семьи разного возраста, ее возглавляют доминирующий самец и доминирующая самка.

– Как именно они доминируют?

– Управляют стаей. Семейей. Фермой. Они занимаются скотоводством.

– Это Стюарт и Надин, о которых упоминалось прошлой

ночью?

– Верно.

Вики задумчиво потянула себя за нижнюю губу.

– Ради такого важного дела они могли бы лично прийти и поговорить со мной.

– Доминирующая пара почти никогда не покидает свою территорию. Они привязаны к земле так, что нам просто трудно это понять.

– Ты имеешь в виду – *мне* трудно понять, – раздраженно сказала Вики.

– Да. – Генри вздохнул. – Именно это я и имею в виду. Но прежде чем ты обвинишь меня в... Ну, в том, в чем собиралась обвинить, лучше подумай, что четыреста пятьдесят с лишним лет опыта кое-что значат.

Он был прав. И имел перед ней несправедливое преимущество.

– Извини. Продолжай.

– Дональд, отец Розы и Питера, раньше был альфа-самцом, поэтому, наверное, до сих пор сильно привязан к своей территории. Сильвия и Джейсон мертвы, а Колин работает по ночам, поэтому ему трудно было бы обратиться ко мне как к посреднику. Значит, оставались только Роза и Питер, хоть они по меркам вервольфов еще не совсем взрослые.

– И, в конце концов, они всего лишь глазурь на торте, который ты вполне мог бы испечь самостоятельно.

Генри нахмурился, затем улыбнулся, когда до него дошел

смысл метафоры.

– Я не думал, что ты сможешь им отказать, – мягко сказал он. – После того, как их увидишь.

«А с чего ты решил, что я смогу отказать *тебе?*» – удивилась она, но вслух сказала только:

– Ты рассказывал о структуре стаи.

– Да. Ну вот, около тринадцати лет назад, когда умерла мать Розы и Питера, их дядя Стюарт и тетя Надин взяли управление на себя. Стюарт родом из Вермонта, некоторое время он в своей стае был бета-самцом.

– И просто сюда забрел?

– Молодые самцы часто покидают дом. Это дает им больше шансов найти пару и позволяет расширить родословные. Как бы то ни было, Дональд уступил свое место альфы без боя. Смерть Марджори очень сильно по нему ударила.

– Без боя? – спросила Вики, вспомнив белый блеск зубов Питера. – Надеюсь, ты говоришь в переносном смысле слова?

– Обычно бои случаются в буквальном смысле. Очень немногие доминирующие самцы просто лягут лапами вверх и покажут горло, а Стюарт уже несколько раз пытался стать альфой.

Вики издала какой-то сдавленный звук, и Генри похлопал ее по плечу.

– Пусть это тебя не беспокоит. По существу, вервольфы – просто хорошие, нормальные люди.

– Которые превращаются в волков.

Вики воспитывали в другом представлении о «нормальности». Однако она сидела в BMW с вампиром – вряд ли все может стать еще более странным.

– Вы, мм... сверхъестественные существа... тусуетесь вместе или что?

– В смысле? – озадаченно спросил Генри.

Вики поправила очки. В темноте они не помогали, но все равно привычный жест ее ободрял.

– Просто скажи мне, что твоего доктора зовут не Франкенштейн.

Генри рассмеялся.

– Его зовут не Франкенштейн. И я познакомился с Перкином Хиркенсом, дедушкой Розы и Питера, при совершенно нормальных обстоятельствах.

День терял свою власть над миром, и к Генри постепенно возвращалось сознание. Сперва он уловил свое сердцебиение, набирающее силу в темноте, медленный и устойчивый ритм, говорящий о том, что он выжил. Затем – дыхание, все еще слабое из-за недостатка кислорода на такой глубине. Наконец, он прислушался, не обращая внимания на шорох маленьких ползучих существ, стараясь понять, что творится на поверхности земли.

Только убедившись, что поблизости нет людей, которые смогут его увидеть, Генри начал прорываться наружу.

Его укрытие скорее походило на осыпавшийся окоп, хотя нацисты могли бы принять его за неглубокую могилу. Пробиваясь сквозь рыхлую землю, Генри решил, что укрытие и стало бы его могилой, если бы нацисты на него наткнулись. А если его накроют при свете дня, это убьет его вернее, чем вражеский огонь.

— Как же я все это ненавижу, — пробормотал он, освободив голову и сняв маленькую перфорированную маску, мешавшую земле попадать в нос и рот.

Он закапывался в землю только в крайнем случае, когда рассвет заставлял его вдали от любого другого укрытия. Пару раз он слишком промедлил, и ему пришлось копать землю руками, пока жар солнца плясал огнем у него на спине. Закапываясь, он слишком ярко вспоминал ужас своего первого пробуждения, когда вдруг оказался заперт в обычном гробу, бессмертный и одинокий, терзаемый голодом.

Генри успел вытащить из земли только одну ногу, когда увидел животное, неподвижно лежащее в тени под елью, и замер.

«Волк в Нидерландах?» — удивился он. Нет, это был не волк — красновато-коричневый окрас совсем не волчий, и все же среди не столь далеких предков зверя явно имелись волки.

Зверь начал настороженно подкрадываться с подветренной стороны, прижав уши, опустив пышный хвост: уловив запах другого охотника, он приготовился атаковать,

чтобы защитить свою территорию. Белые зубы блеснули в темноте, раздалось низкое рычание.

Генри, ощерившись, ответил рыком на рык.

Зверь явно удивился. Еще больше он удивился мгновение спустя, когда его прижали спиной к лесной подстилке, а Генри обеими руками вцепился в его мохнатую шею. Зверь боролся и огрызался, отпихивая врага всеми четырьмя лапами; он продолжал рычать, но негромко. Поняв, что вырваться не удастся, он стал извиваться и, наконец, сумел кончиком языка лизнуть запястье Генри.

Генри осторожно разжал руки. Зверь энергично встряхнулся, хорошенько почесался и сел, склонив голову набок, сморщив нос и изучая странное существо с выражением, настолько похожим на озадаченную нахмуренность, что Генри пришлось крепко сжать губы, чтобы не улыбнуться. Если бы он в тот миг показал зубы, все началось бы снова.

Дав понять, кто тут сильнее, Генри отряхнул большую часть грязи с тяжелой одежды рабочего и сунул руку под рубашку, чтобы проверить, не потерялся ли привязанный к поясу холщовый мешочек. Он знал, что документы в безопасности, но слабое шуршание бумаги все равно его успокоило. Он потратит большую часть ночи, чтобы добраться до деревни, где встретит своего связного из голландского Сопротивления, а поскольку до прибытия нужно подкрепиться – это делало работу со смертными терпимой – лучше немедленно отправиться в путь.

Сверившись с маленьким компасом, который вручили ему в SOE⁶, он направился на северо-восток. Пес поднялся и последовал за ним. Некоторое время Генри слышал, как зверь пробирается сквозь кустарник. Эти звуки были едва различимы среди множества звуков ночного леса, а когда Генри ускорил шаг, и вовсе стихли. Ничего удивительного. Даже чистокровному волку сложно было бы угнаться за вампиром, а у собаки, хоть и с примесью волчьей крови, не было на это никаких шансов.

Примерно за три часа до рассвета, недалеко от деревни, Генри повстречался с немецким патрулем и неподвижно застыл в нескольких дюймах от тропы. Когда немцы шли мимо, он мрачно улыбнулся черепу и скрещенным костям, украшавшим каждую фуражку. «Мертвая голова». Подразделение СС, обеспечивающее порядок на оккупированной территории, особенно там, где активно действовало Сопротивление.

Один из немцев отстал – молодой человек с бочкообразной грудью, ухитрявшийся сохранять важный вид, даже тащась ночью по разбитой дороге. От него так и веяло чванством «представителя высшей расы». Скорее всего, товарищи намеренно позволили ему немного отстать; по-видимому, даже в СС не всем нравилось такое высокомерие.

Простым солдатам немецкой армии Генри еще мог по-

⁶ SOE (Special Operations Executive) – британская разведывательно-диверсионная служба, работавшая во время Второй мировой войны.

сочувствовать, но к нацистам не испытывал ни малейшей симпатии. Он бросился на молодого человека сзади и умело сдернул его с тропы, зажав рот, — все случилось в промежутке между одним и другим вдохами. Главное, сердце жертвы продолжало биться, остальное не имело значения. Быстро (поскольку он был уязвим, пока кормился) Генри вскрыл левое запястье и наклонил голову, чтобы напиться.

Утолив голод, он обхватил голову солдата рукой с длинными пальцами и без особых усилий свернул ему шею... И замер, внезапно осознав, что за ним наблюдают.

Лес замер вместе с ним. Даже ветерок стих, единственным звуком стало тихое «кап-кап» — кровь медленно падала на лесную подстилку.

Все еще склоняясь над телом, Генри напряженно повернул голову.

Большая собака несколько секунд пристально смотрела на него, потом крадучись пошла прочь. Наконец, даже зоркие глаза вампира не смогли разглядеть ее среди шевеления теней.

Пес не должен был его выследить!

Дурное предчувствие холодными пальцами пробежало по спине Генри. Он быстро выпрямился и направился было к тому месту, где исчез огромный зверь, но мгновение спустя остановился, услышав, что патруль возвращается, — наверное, в поисках пропавшего солдата. С собакой придется разобраться в другой раз. Вцепившись одной рукой в рубаш-

ку, другой – в штаны убитого немца, Генри втиснул труп в развилку дерева, намного выше уровня глаз. Бросил последний настороженный взгляд в темноту и двинулся дальше, к деревне.

Найти ее было нетрудно: деревенскую площадь освещал резкий белый свет полудюжины установленных на грузовиках прожекторов. Несколько местных жителей сбились в кучу на краю площади под охраной отряда эсэсовцев. Тот, кто, по-видимому, был здесь командиром, расхаживал взад-вперед, похлопывая себя по ноге стеком в лучшей нацистской манере. Если не считать постукивания стека по кожаному голенищу сапога, сцена была сюрреалистически тихой.

Генри подошел ближе, решив оставить часового в живых до тех пор, пока не поймет, что тут происходит. Еще одна необъяснимая смерть могла принести в будущем больше вреда, чем пользы. Добравшись до дома на краю площади, он скользнул в глубокий дверной проем и стал ждать, что будет дальше.

В крошечной деревушке даже в самые лучшие времена проживало, наверное, не более двухсот человек, а сейчас осталось еще меньше. Деревня находилась недалеко и от границы, и от железнодорожных путей, необходимых захватчикам для дальнейшего продвижения на север, что сделало ее центром Сопротивления. Генри как раз и оказался тут благодаря Сопротивлению, но, к сожалению, оно привело сюда и СС.

На площади собрали семьдесят одного жителя, в основном старых, молодых и немощных. Судя по ночной одежде, людей вытащили из постелей, а судя по настороженным лицам, они ожидали самого худшего.

Генри увидел, как двое вооруженных до зубов солдат привели еще пятерых местных.

– Это последние? – спросил офицер и, получив утвердительный ответ, зашагал вперед. – Мы знаем, где находятся ваши отсутствующие родственники, – отрывисто сказал он по-голландски, с акцентом, но вполне разборчиво. – Поезд, который они должны были остановить, не прибывает. Это была ловушка, чтобы выманить их.

Он сделал паузу, ожидая реакции, но получил в ответ только настороженные взгляды. Жители, достаточно взрослые, чтобы понимать, что происходит, были очень напуганы, но хорошо это скрывали. Чувствительный нос Генри уловил запах страха, но командир не смог понять, какой эффект произвели его новости. Не услышав ответа, он резко сказал:

– Сейчас ваши близкие мертвы. Все.

Маленький мальчик подавил вскрик, и командир слегка улыбнулся.

– Но мало просто уничтожить сопротивление, – продолжал он более мягким тоном. – Мы должны уничтожить любые дальнейшие помыслы о нем. Вы все будете казнены, каждый дом в вашем селении будет сожжен дотла –

как пример того, что происходит с гражданскими, которые осмеливаются поддерживать сопротивление, и с теми низшими существами, которые осмеливаются противостоять расе господ.

— Ох уж эти немцы, — фыркнула пожилая женщина, вцепившись в свой выцветший банный халат артритными пальцами. — Заговорят тебя до смерти, прежде чем пристрелить.

Генри был склонен согласиться — командир говорил так, словно насмотрелся пропагандистских фильмов. Но опасность от этого не становилась меньше. Какие бы еще «экономические реформы» ни проводил Гитлер, ему точно удалось найти работу для каждого сукиного сына-садиста в своей стране.

— Ты. — Стек высокомерно указал на старуху. — Иди сюда. Страхнув с себя руки друзей, пытавшихся ее удержать, та подошла. Ее голова с редкими седыми волосами, туго скрученными в пучок, едва доставала командиру до ключицы.

— Ты вызвалась быть первой, — сказал он.

Со слезящимися глазами, почти зажмуренными в ярком свете прожекторов, женщина подняла голову и сказала что-то настолько грубое и уж тем более биологически невозможное, что у одного пожилого местного вырвалось потрясенное:

— Мама!

Просто чтобы убедиться, что командир все правильно понял, она повторила то же самое по-немецки.

Стек взлетел для удара.

Генри метнулся вперед. Он понимал, что совершает глупый, импульсивный поступок, и все равно не смог удержаться. Поймав запястье занесенной руки командира, он не остановился и, вложив в движение всю свою силу, вырвал руку из сустава.

Отшвырнув тело, Генри повернулся и бросился на остальных эсэсовцев, размахивая своим ужасным, кровоточащим трофеем, как дубинкой. Его губы растянулись, обнажив зубы, блеснули длинные клыки.

Вся атака заняла чуть меньше семи секунд. Нацисты были не первыми, кто использовал ужас в качестве оружия; такие, как Генри, познали ценность ужаса столетия назад. Вампир успел добраться до первого из охранников прежде, чем хоть один из них вспомнил, что вооружен. К тому времени, как немцы пришли в себя настолько, что смогли открыть огонь, Генри уже прикрывался, как щитом, вторым мертвым телом.

Он услышал крики на голландском, мягкие шаги по утрамбованной земле, а потом прожекторы, к счастью, вдруг погасли. Впервые после своего появления на площади Генри смог ясно видеть, зато немцы теперь не видели вообще ничего. В полной растерянности они бросились бежать, но путь им преградила рычащая собака – самая большая,

какую они когда-либо видели. Пес ринулся в атаку, и началась настоящая бойня.

Мгновение спустя, стоя над своей последней жертвой, чувствуя, как запах крови проникает в каждую клеточку тела, Генри увидел, что пес, который следовал за ним всю ночь, идет к нему на негнущихся лапах. В темноте влажное пятно на морде казалось скорее черным, чем красным, и пес выглядел диким, как волк из сказок братьев Гримм.

Генри и собаку все еще разделяло несколько футов, когда стук сапог по бульжникам заставил их обоих обернуться. Генри дернулся, но пес оказался быстрее: он нырнул вперед, перекатился и вскочил, сжимая пистолет-пулемет в человеческих руках. Как только иштурмовики появились в поле зрения, он открыл огонь.

Не выжил никто.

Закинув оружие за голое плечо, оборотень повернулся к Генри и вытер кровь с губ тыльной стороной грязной ладони. Его волосы, такого же красновато-коричневого цвета, какого была его шерсть, спадали на лоб спутанными прядями, наполовину скрывая те самые глаза, которые наблюдали, как Генри выкапывается из земли, а потом пьет кровь.

– Я Перкин Хиркенс, – сказал оборотень по-английски с сильным акцентом. – Если вы Генри Фицрой, я ваш связной.

Прожив на свете четыреста лет, Генри думал, что его уже ничто не сможет удивить, но теперь понял, что надо бы пересмотреть это заключение.

– Мне не сказали, что вы оборотень, – проговорил он по-голландски.

Перкин ухмыльнулся и стал выглядеть намного моложе, хотя и не менее опасным.

– А мне не сказали, что вы вампир. Думаю, мы на равных.

– И это называется «знакомство при нормальных обстоятельствах»? – пробормотала Вики, на мгновение пожалевав, что не сидит дома и не ведет милый, *нормальный* спор с Майком Селуччи. – Я имею в виду – ты рассказал о встрече вампира из секретной службы с оборотнем из голландского Сопротивления.

– А что в этом такого необычного? – Генри обогнал кемпер с американскими номерами и маленькой рыжей кошкой, спящей у заднего стекла. – Вервольфы бдительно защищают свою территорию.

– Если вервольфы жили нормальной человеческой жизнью... – Вики осеклась и начала вопрос по-другому: – Если они жили в человеческом обществе, как им удалось избежать призыва?

– Призыв на военную службу был британо-североамериканским феноменом, – напомнил Генри. – Европа боролась за выживание, и фашисты напали так стремительно, что нескольких мужчин и женщин, живущих в укромных уголках, легко было не заметить. При необходимости они на время войны отказывались от «цивилизации» и кормились на-

туральным хозяйством.

– Хорошо, а что насчет британских и североамериканских оборотней?

– Нет никаких британских оборотней...

– Почему? – перебила Вики.

– Британия – остров. Учитывая склонность человека убивать то, чего он не понимает, там не хватает места и для людей, и для вервольфов. – Генри помолчал и добавил: – Возможно, когда-то в Британии и жили вервольфы...

Вики сползла на сиденье ниже и повозилась с решеткой кондиционера.

«Я не хочу умирать, мисс Нельсон».

– Значит, вервольфы не живут по всему миру?

– Нет. В Европе их ареал простирается на юг до Северной Италии, они живут в большей части России и в самых северо-западных районах Китая и Тибета. Насколько я знаю, коренных североамериканских не существует, но я могу ошибаться. Однако они довольно часто иммигрировали.

– После Второй мировой войны?

– Не все.

– Что ж, возвращаясь к моему первоначальному вопросу. Как им удалось избежать призыва?

Вики услышала, как Генри пожал плечами, зашуршав ими по спинке сиденья, обитой толстым твидом.

– Понятия не имею. Но, поскольку большинство вервольфов – дальтоники, я бы предположил, что они не прошли

медосмотр. Я знаю, что союзники использовали дальтони-ков-наблюдателей в воздушной разведке; поскольку дальтоники распознают предметы не по цвету, а по форме, они могли разглядеть то, что скрывается почти за каждым камуфляжем. Может быть, кто-то из этой компании и был вервольфом.

– Ну а ты? Как вампир убедил правительство позволить ему внести свою лепту в борьбу за свободу?

Потом Вики вспомнила, что у Генри есть дар убеждать.

– Э-э, не важно.

– Вообще-то я даже не обращался к канадскому правительству. Я спрятался на военном корабле и вернулся в Англию, где мой старый друг занял очень влиятельный пост. Он все и устроил.

– А!

Вики не спросила, кто этот старый друг. Она не хотела знать – ее воображение уже рисовало ей сцены с Генри и некоторыми видными политическими фигурами в компрометирующих позах.

– А что случилось с жителями той деревни?

– С кем?

– С жителями деревни, в которой ты познакомился с Перкином. Они все погибли?

– Конечно нет!

Вики не могла представить себе другого исхода. В конце концов, был уничтожен целый отряд СС, а нацисты такого

не одобряли.

– Мы с Перкином позаботились, чтобы все выглядело так, будто эсэсовцы стали жертвой авиаудара союзников, уничтожившего железнодорожную линию.

– Вы заявили о воздушном ударе?

В голосе Генри прозвучала усмешка:

– Разве я не упоминал, что мой старый друг поднялся до высоких постов?

Кое-что Вики по-прежнему беспокоило.

– Значит, жители деревни знали, что среди них живет стая вервольфов?

– Не знали, пока не началась война.

– А после того, как началась?

– Во время войны любой враг нацистов был для них желанным союзником. Тогда удавалось ладить даже британцам и американцам.

Да, в этом есть определенный смысл.

– Ну а после войны?

– Перкин эмигрировал, и я на некоторое время потерял его из виду.

Несколько минут они ехали молча – теперь, когда Торонто остался позади, их машина была одной из немногих на шоссе.

Вики, закрыв глаза, думала о том, что рассказал Генри. В некотором смысле война, несмотря на все ее ужасы, ставила перед людьми простые проблемы: по крайней мере, тогда

они четко понимали, кто враг.

– Генри, ты и вправду считаешь, что стая вервольфов может стать частью человеческого общества? Так, чтобы соседи не узнали, кто они такие? – внезапно спросила Вики.

– Ты представляешь себе город, а ближайшие соседи Хиркенсов живут в трех милях от них. Вервольфы видятся с кем-то не из своей стаи только тогда, когда сами того хотят. Кроме того, если бы ты не знала меня и не встретилась с демоном прошлой весной, разве ты поверила бы в вервольфов? Разве кто-нибудь в Северной Америке в наше время в такое бы поверил?

– Но кто-то о них явно знает, – сухо напомнила Вики. – Хотя в таком случае стоило бы ожидать шантажа, а не убийства.

– Да, шантаж был бы резоннее, – согласился Генри.

Она со вздохом открыла глаза.

Чем она занимается? Пытается распутать дело, имея на вооружении только увеличительное стекло и вампира, без ресурсов полиции. Не то чтобы эти ресурсы до сих пор сильно помогали. Баллистики позвонили незадолго до отъезда Вики и сказали, что пуля, скорее всего, была стандартной, калибра 7,62 мм натовского образца. Это сузило круг возможных подозреваемых до всей Организации Североатлантического договора, а также почти всех, у кого имелось охотничье ружье.

Вики не предвкушала приезд на ферму Хиркенсов. Она

впервые будет действовать в одиночку. Что, если она себя переоценила?

– В бардачке есть карта. – Генри вывел BMW с шоссе номер 2. – Не могла бы ты ее вытащить?

Вики на ощупь нашла карту и подала своему спутнику, но он ее вернул.

– Несмотря на свои разносторонние дарования, я предпочитаю не смотреть на карту, когда еду по незнакомой дороге. Тебе придется разобраться с ней самой.

Крепко сжав сложенную бумагу, Вики подтолкнула карту к нему.

– Я не знаю, где мы сейчас едем.

– Мы на Аэропорт-роуд возле поворота на Оксфорд-стрит. Скажи, сколько еще нужно проехать по Оксфорд, прежде чем свернуть на Кларк-Сайд-роуд.

Свет фонарей едва пробивался сквозь лобовое стекло. Если бы Вики как следует напряглась, она смогла бы разглядеть на карте какие-то контуры, но, конечно, не смогла бы найти на ней двух маленьких надписей.

– Под солнцезащитным козырьком есть подсветка, – сказал Генри.

Какой толк от этой подсветки?

– Я не могу ничего разглядеть.

– Ты даже не посмотрела...

– Я не сказала, что не буду, я сказала, что не могу.

С того момента, как Вики согласилась покинуть безопас-

ную, хорошо известную ей часть Торонто, она знала, что придется рассказать правду о своих глазах. Как она ухитрилась загнать себя в такой угол?

От напряжения у нее заныли плечи и свело живот. Медицинское объяснение, как и любое другое, для нее всегда звучало как оправдание, как будто она просила о помощи или понимании. И Генри, как и все остальные, начнет относиться к ней по-другому, как только к ней приклеится ярлык «инвалид».

– Я почти ничего не вижу в темноте, у меня слабое периферийное зрение, и, если верить чертову врачу, при каждом посещении моя близорукость усиливается.

Тон Вики говорил: «Только попробуй поднять из-за этого шум!»

Но Генри просто спросил:

– А что случилось?

– Это дегенеративное заболевание глаз, пигментный ретинит...

– ПР, – перебил он. Так вот в чем ее секрет. – Мне известно это заболевание.

Он скрывал свои чувства, его голос звучал сухо и деловито.

– Похоже, оно пока не очень прогрессирует.

«Отлично, только еще одного эксперта не хватало, как будто мне мало Селуччи!»

– Ты не слушал, – прорычала она, скрутив карту в нечи-

таемый жгут. – Я слепну, поэтому мне пришлось уйти из полиции. После наступления темноты от меня никакой пользы. Если мне придется расследовать это дело по ночам, можешь прямо сейчас развернуть машину.

Хоть Вики и пыталась прикрыться гневом, в глубине души она боялась, что Генри именно так и поступит. А еще боялась, что Фицрой погладит ее по голове и скажет, что все будет хорошо (а хорошо уже никогда не будет), и тогда она попытается разодрать ему лицо, и они оба разобьются.

Генри пожал плечами. У него не было намерения подыгрывать тому, что он воспринял как жалость к себе.

– Под прямыми солнечными лучами я превращаюсь в тлеющую кучу углеродных соединений. Похоже, ты находишься в лучшем положении.

– Ты не понимаешь...

– Я не видел солнца четыреста пятьдесят лет. Думаю, я понимаю.

Вики поправила очки и отвернулась, чтобы посмотреть в окно на то, чего не видела. Не имея возможности выплеснуть гнев, она не знала, что теперь делать.

– Хорошо, значит, понимаешь, – спустя некоторое время сказала она. – Что ж, могло бы быть и хуже. Я все еще могу работать. Я не ослепла. Я не оглохла. Я не сошла с ума. И все равно дело – дрянь.

– Согласен.

Генри уловил разочарование своей спутницы и задался

вопросом, осознает ли она сама, что ожидает искреннего сочувствия от людей, которым рассказывает о своих невзгодах. Не получая сочувствия, она чувствует себя сильной, и это компенсирует то, что она считает своей слабостью. Генри подумал, что болезнь была первым случаем в жизни Вики, когда она не могла все исправить исключительно силой воли.

– Ты когда-нибудь думала о том, чтобы взять напарника? Того, кто будет работать ночью?

Вики фыркнула, ее гнев уступил место веселью.

– Ты имеешь в виду – помогать мне на постоянной основе? Ты пишешь любовные романы, Генри. У тебя нет опыта в подобных делах.

Он сел прямее. Он же вампир. Король ночи. Любовные романы – просто его способ зарабатывать на жизнь.

– Я бы не сказал...

– Кроме того, – перебила Вики, – я и одна-то с трудом зарабатываю на жизнь. Ты же знаешь, какая в Торонто дороговизна.

– Если бы ты могла работать по ночам, тебе поручали бы больше дел.

С этим не поспоришь, что верно, то верно. Голос Генри стал глубже, и Вики почувствовала, как волосы у нее на затылке встали дыбом.

– Просто подумай об этом...

«Не используй на мне свои вампирские уловки, сукин ты сын».

Но не успела она додумать эту мысль, как уже ответила:
– Хорошо.

Остаток пути до фермы они молчали.

Когда грунтовая дорога, по которой они ехали последние несколько миль, осталась позади, Вики стала видеть лишь смутный веер света перед машиной, а как только Генри выключил фары, вообще ослепла.

Во внезапной тишине скрежет когтей по стеклу рядом с ее головой прозвучал очень громко, и она не сумела полностью подавить испуганный вопль.

– Это Шторм, – объяснил Генри. В его голосе слышалась улыбка. – Не вылезай, сейчас я обойду машину и проведу тебя.

– Да пошел ты, – любезно ответила она, нащупала ручку и открыла дверцу.

Пытаясь оттолкнуть огромную голову, Вики пробормотала:

– Да, я тоже рада тебя видеть.

Из пасти у него воняло не так сильно, как у большинства собак, – наверняка из-за того, что в другой своей ипостаси он мог пользоваться зубной щеткой, – и все-таки пахло. Поняв наконец, что без рычага ее шансы отодвинуть Шторма ничтожны, Вики откинулась на спинку сиденья и молча терпела восторженный прием. Ее так и подмывало зарыться руками в густую шерсть на шее пса, но ее удержало воспомин-

нение о нагом юном теле Питера.

– Шторм, довольно.

В последний раз энергично фыркнув, вервольф отступил, и Вики почувствовала, как Генри прикоснулся к ее запястью. Отбросив его руку, она вылезла из машины.

Хотя Вики видела убывающую луну – висящий в темноте серебристо-белый ущербный круг, – от рассеянного света не было никакой пользы. Размытые желтые прямоугольники справа, вероятно, были окнами дома, и она подумала, не пойти ли в ту сторону, просто чтобы доказать, что она не так беспомощна, как думает Генри.

Генри прочитал эту мысль на лице Вики и покачал головой. Восхищаясь ее независимостью, вампир все же надеялся, что независимость не заглушит ее здравый смысл. Он понимал: сейчас Вики кажется, что она должна что-то доказать, и не знал, как переубедить ее в этом. По крайней мере, *ему* ничего не надо доказывать.

Он подал Вики сумку, подождал, пока она крепко сожмет ручки, и осторожно взял ее за другую руку.

– У тропинки есть изгиб, – прошептал Генри ей на ухо. – Ты же не хочешь вытоптать цветы Надин. Надин кусается.

Дыхание вампира заставило волосы на шее Вики встать дыбом, но она не обратила на это внимания, сосредоточившись на том, чтобы шагать так, будто ее никто не ведет. Вервольфы (по крайней мере, в волчьей ипостаси) наверняка видели не хуже Генри, и она не собиралась показывать перед

ними свою слабость.

Высоко держа голову, Вики вглядывалась в прямоугольники света и пыталась запомнить звук хруста тропинки под ногами, все ее изгибы по дороге к дому. Знакомые городские запахи бетона и выхлопных газов исчезли, сменившись неприятным запахом овечьего дерьма (Вики предполагала, что так пахнет именно овечье дерьмо). Она узнала стрекотание сверчка, но понятия не имела, что означают остальные ночные звуки.

Там, в Торонто, каждый запах, каждый звук для нее что-нибудь бы значил. Здесь они ни о чем ей не говорили, и Вики это очень не нравилось: еще одно препятствие в придачу к ее слабеющим глазам.

Два внезапных резких укола в икру и еще один в предплечье вырвали ее из уныния, напомнив об одном упущенном аспекте сельской жизни.

– Проклятые комары! – Она высвободила руку и шлепнула себя по ногам. – Генри, я только что вспомнила, как ненавижу деревню!

Они вошли в полосу света, падающего из окон, и она смогла разглядеть улыбку Фицроя.

– Поздновато вспомнила. – С этими словами он открыл дверь.

Вики, моргая, застыла на пороге. Ее первым впечатлением было, что она попала на уютную, хоть и скромную, фермерскую кухню, кишашую людьми и собаками. «Вернее, киша-

щую вервольфами, – поправило второе впечатление. – И люди здесь тоже собаки. Волки. О, черт!»

Было поздно, почти одиннадцать. Селуччи откинулся на спинку стула и уставился на единственный листок бумаги на своем столе.

Дело Алана Марго было завершено в рекордно сжатые сроки и передано в суд для тамошнего неторопливого рассмотрения, поэтому Селуччи теперь с полным правом мог заняться небольшим незаконченным дельцем.

ГЕНРИ ФИЦРОЙ.

Что-то в этом человеке было не так, и Селуччи твердо намеревался выяснить, что именно. Он взял чистый листок бумаги, если не считать имени, написанного крупными печатными буквами, сложил вдвое и аккуратно убрал в бумажник. Завтра он проведет стандартное расследование подноготной мистера Фицроя, а если это ничего не даст...

Он встал, хищно улыбаясь. Если расследование ничего не даст, есть способы копнуть глубже.

То, что он задумал, некоторые назвали бы злоупотреблением властью. Детектив-сержант Майкл Селуччи называл это дружеской заботой.

Глава 4

– Я – Надин Хиркенс-Уэллс. А вы, должно быть, Вики Нельсон.

Женщина, которая подошла к Вики с протянутой рукой, была во многом похожа на Питера и Розу: те же широко расставленные глаза и заостренное лицо, такая же грива густых волос – в данном случае пыльно-черных с проседью, – та же сильная короткопалая, мозолистая рука. Но в ее глазах при- таилась тень, и за этой тенью скрывалась потеря настолько глубокая, настолько острая, что ее нельзя было полностью скрыть и, возможно, никогда не удастся полностью забыть.

Вики с трудом сглотнула, удивленная, что так резко вос- принимает чужую боль. Без сомнений, Надин была тут глав- ной; предупреждающий оскал, которым она встретила го- стью, вскоре превратился в приветливую улыбку.

«Полагаю, у нее нет причин с ходу мне доверять, что бы ни рассказал обо мне Генри».

С вежливо-невозмутимым выражением лица Вики отве- тила на крепкое рукопожатие таким же крепким, подавив внезапное необъяснимое желание помериться с Надин сила- ми.

– Надеюсь, я смогу вам помочь, – сказала она официаль- ным тоном, твердо встретив взгляд женщины.

Сила личности Надин, сила ее горя нанесла Вики почти

физический удар, и она невольно сощурила глаза.

Остальные вервольфы спокойно ждали решения доминирующей самки. Генри стоял в стороне и, озабоченно хмурясь, наблюдал за встречаей. Чтобы Вики хорошо здесь работалось, две женщины должны были признать друг в друге ровню, нравилось им это или нет.

У карих с золотистыми искорками глаз Надин залегли глубокие морщины, а веки потемнели от слез.

«Я могу ее одолеть, – поняла Вики. – Я моложе, сильнее. Я... Спятила я, что ли»

Она заставила себя расслабиться, отмахнуться от осознания собственной силы и заметила непринужденным тоном, как будто в комнате не повисло скрытое напряжение:

– Я и не подозревала, что Лондон так далеко от Торонто.

– Вы, должно быть, устали после долгой поездки, – ответила Надин. Только Вики увидела в ее взгляде подтверждение того, что между ними случилось. – Проходите, садитесь.

И они обе отвели глаза.

Как по сигналу, все окружили Вики и Генри: гостям сердечно пожимали руки, тыкались в них мокрыми носами, а потом усадили за огромный кухонный стол.

Генри задавался вопросом, понимает ли Вики, что ее только что признали в качестве, так сказать, вспомогательного члена стаи – такого же, каким был он сам. Последние две ночи он много часов висел на телефоне, добиваясь этого признания, убеждая Надин, что вне стаи у Вики будет ма-

ло шансов найти убийцу, что Вики не предаст вервольфов, как не предала его. И Фицрой знал, что Надин примет окончательное решение только после личной встречи.

– Мрак, помолчи.

Черный щенок размером с небольшую немецкую овчарку, с пронзительным лаем танцевавший у колен Вики, внезапно превратился в маленького голого мальчика лет шести-семи.

Малыш повернулся к Надин и укоризненно запротестовал:

– Но, мам, ты велела всегда лаять на чужих.

– Она не чужая, – ответила Надин, наклоняясь, чтобы откинуть с лица сына пыльные черные волосы. – Это мисс Нельсон.

Мальчик возвел глаза к потолку.

– Я знаю, как ее зовут, но я с ней не знаком. Значит, она чужая.

– Не будь идиотом, Дэниел. Мама говорит, что с ней все в порядке. – Одна из двух одинаковых девочек-подростков, сидящих на диване у окна, сказала это таким тоном, каким говорят только с младшими братьями.

– И она приехала с Генри, – добавила вторая девочка точно таким же тоном.

– И если бы она была чужой, – заключила первая, – ты бы при ней не перекинулся. Так что она не чужая, поэтому заткнись.

Малыш тряхнул головой.

– Все равно я ее не знаю.

– Так познакомься поскорей, – предложила мать, поворачивая его лицом к Вики, – чтобы мы могли обрести немного тишины.

Хотя Вики внимательно наблюдала, она пропустила момент, когда Дэниел снова стал Мраком. Один удар сердца – и перед ней маленький мальчик, следующий удар сердца – уже маленький пес...

«Хотя не такой уж маленький. Да и псами их не назовешь. И все же они не совсем волки».

Холодный нос ткнулся Вики в колено, и она вздрогнула.

«Как же тогда его называть – щенком? Волчонком? О боги, дельце будет сложным».

Стараясь не показать своих сомнений, Вики наклонилась и протянула руку. Мрак тщательно обнюхал ее и подsunул голову под ее ладонь. Его шерсть все еще была мягкой, как пух.

– Если вы начнете чесывать его, мисс Нельсон, это затянется на всю ночь, – со вздохом сказала одна из сестер.

Мрак задрал нос и демонстративно повернулся к ней спиной, прислонившись к ногам Вики так же, как Шторм прислонялся к Розе в квартире Генри. Что напомнило Вики...

– А где Питер и Роза? Питер... – Она осеклась и тряхнула головой. – Я имею в виду, Шторм – он встретил машину, и я точно видела Розу... В смысле, Тучу, когда сюда вошла.

– Они пошли за своим дядей Стюартом, – сказал седею-

щий мужчина, стоящий рядом с Генри.

Он, как и все, поздоровался с гостями, но после этого не произносил ни звука, а вот сейчас протянул руку через стол. Старый шрам сморщил кожу на его предплечье. Вики не дала бы голову на отсечение, но это смахивало на след от укуса.

– Я Дональд Хиркенс, отец Питера и Розы.

– Я Дженнифер, – встряла ближайшая из сидящих на диване девочек, прежде чем Дональд успел еще что-нибудь сказать.

– А я Мари, – сообщила другая.

«И как, черт возьми, родственники вас различают? – удивилась Вики. По крайней мере, сейчас, сидя, девочки казались совершенно одинаковыми, вплоть до выражения лица. – Уж я-то точно не смогу отличить вас друг от друга. Все дети в этом возрасте кажутся мне одинаковыми».

Обе девочки захихикали, увидев притворный свирепый оскал своего дяди.

– Итак, теперь вы познакомились со всеми, кто здесь есть, – продолжила Мари.

– Со всеми, кроме папули, – добавила Дженнифер, – потому что с Розой и Питером вы уже знакомы.

Близняшки улыбнулись в унисон. Даже ямочки у них на щеках были одинаковыми.

Папуля, это, должно быть, Стюарт, поняла Вики – муж Надин, отец Дэниела, шурин Дональда, дядя Питера и Розы.

Доминирующий самец. Встреча с ним будет интересной.

– Приятно, когда тебя игнорируют в собственном доме, – прорычал голос от двери.

Мрак выскользнул из-под руки Вики, с лаем пронесся через кухню, как маленький пушистый маньяк, и прыгнул на мужчину, который только что вошел. Мужчина поймал его, поднял, покрутил над головой и поставил на пол уже мальчиком Дэниелом.

Вики не нужно было представлять вошедшего. Та же внутренняя сила, которая чувствовалась в Надин, просматривалась и в Стюарте, и он определенно был очень мужественным... Последнее наблюдение весомо подкреплялось тем, что он вошел совершенно обнаженным. Вики пришлось признать, что она впечатлена, хотя при росте в пять футов десять дюймов она, пожалуй, была выше его дюйма на четыре, не меньше. По человеческим меркам (а Вики могла оперировать только ими, если не считать объяснений Генри) Стюарт выглядел моложе своей жены лет на пять. Его волосы – их росло немало по всему телу – не тронула седина.

– Стюарт...

Надин сняла со спинки стула синие спортивные штаны и бросила мужу. Тот поймал их одной рукой, зажав Дэниела под другой, и с отвращением уставился на одежду. Затем повернулся и в упор посмотрел на Вики.

– Я не очень люблю одеваться, мисс Нельсон, – сказал он, очевидно, отлично зная, кто перед ним стоит. – Одежда тор-

мозит перекидывание и в такую жару чертовски неудобна. Если вы собираетесь пробыть здесь какое-то время, вам придется привыкнуть, что мы мало что носим.

– Ваш дом – ваши правила, – спокойно ответила Вики. – Не мне указывать, что вам носить.

Стюарт пристально взгляделся в нее и вдруг улыбнулся. У Вики сложилось впечатление, что она прошла некоего рода испытание.

– Людей обычно очень заботит одежда.

– Я приберегаю свою озабоченность для более важных вещей.

Генри спрятал улыбку. С тех пор как они с Вики познакомились, он пытался понять – то ли она способна бесконечно принаравливаясь к обстоятельствам, то ли из-за своей целеустремленности просто не обращает внимания на то, что не ведет ее к цели. За восемь месяцев наблюдений Фицрой ни на шаг не приблизился к ответу.

Швырнув спортивные штаны в угол, Стюарт протянул руку.

– Рад познакомиться, мисс Нельсон.

Она ответила улыбкой и рукопожатием, стараясь не жать слишком сильно.

«Нет, это слишком сильно для голого вервольфа. Да, вот так».

– Я тоже рада. Пожалуйста, зовите меня Вики.

– Вики.

Стюарт повернулся к Генри, и его улыбка почти неумолимо изменилась. Он снова протянул руку.

– Генри.

– Стюарт.

Улыбка вервольфа была предупреждением, не вызовом – Генри понял это и признал. Она могла очень быстро превратиться в вызов, а ни один из них этого не хотел. Пока Генри знал свое место, их отношения оставались напряженными, но ровными.

Не заинтересованный во всем этом взрослом позерстве, Дэниел извернулся под мышкой отца, обнаружил, что его хватка ослабла, перекинулся и начал лаять. Стюарт опустил его на землю как раз в тот миг, когда открылась сетчатая дверь и вошли Туча и Шторм.

Двое старших вервольфов позволили своему младшему кузену напасть, и завязалась драка с громким рычанием, щелканьем зубами и притворными (по крайней мере, Вики полагала, что они притворные) взвизгиваниями боли. Поскольку никто из взрослых не беспокоился, Вики улучила время, чтобы как следует осмотреться.

Кухонная мебель была тяжелой, старой и слегка потрепанной. За деревянным столом легко могли разместиться восемь-двенадцать человек. Хотя на каждой ножке стульев виднелись следы зубов, эти стулья (если судить по тому, на который уселась Вики) были сделаны на совесть и все еще прочно стояли на потертом линолеуме. Близняшки си-

дели под окном у задней двери на кушетке, явно купленной в пятидесятых годах и с тех пор не покидавшей своего угла. Вдоль северной стены высились шкафы, двери в южной стене, наверное, вели в другие комнаты дома. Холодильник выглядел новым, как и электрическая плита. Вообще-то плита казалась настолько новой, что Вики заподозрила, что ею редко пользуются. Старая дровяная печь в дальнем углу, вероятно, служила не только источником тепла зимой, но и главным способом приготовления пищи. Если здесь вообще что-то готовили.

Вики и в голову не пришло расспросить Генри, что едят вервольфы и ожидают ли они, что гостя присоединится к их трапезе. Внезапное видение поданного на ужин кровоточащего мяса с дымящимися внутренностями заставило ее желудок сжаться.

Для ее городского носа здесь слишком остро пахло: старым древесным дымом, овечьим дерьмом... Вероятно, и овцами тоже, хотя она понятия не имела, как пахнут овцы. А еще очень сильно пахло, ну... вервольфами. Не то чтобы неприятное сочетание, но определенно острое.

Похоже, уборка в доме не значилась в списке приоритетов вервольфов. Уборка не входила и в десятку любимых занятий Вики, поэтому она ничего не имела против, но ее мать точно закатила бы истерику при виде клочков шерсти, валяющихся по углам.

«Да уж, мою маму просто удар бы хватил от всей этой си-

туации».

Питер встал и повесил извивающегося Мрака на плечо – передние лапы в левой руке, задние в правой, – ловко не давая щенку вцепиться зубами в чувствительные, выступающие части своего тела.

«Что ж, наверное, хорошо, что мамы здесь нет».

Как раз в тот миг, когда Вики начала гадать: не следует ли напомнить о причине своего визита, Стюарт откашлялся. Питер отпустил Мрака, приветственно улыбнулся Вики и Генри, перекинулся и свернулся калачиком на полу рядом со своей близняшкой.

Мрак в последний раз возбужденно гавкнул, подошел к матери и рухнул, тяжело дыша, у ее ног. Все остальные, включая двух гостей, выжидающе повернулись к Стюарту.

«А ведь он всего лишь покашлял, – еще раз впечатленная, подумала Вики. – Если бы он мог разливать силу своей личности по бутылкам, он сколотил бы на ней состояние».

– Генри уверяет, что вам можно доверять, мисс Нельсон, Вики. – Глаза Стюарта под тяжелыми черными бровями были бледно-голубыми, поразительно светлыми. – Вы ведь наверняка понимаете, что у нас начались бы большие неприятности, если бы мир узнал о нашем существовании?

– Понимаю.

И она действительно понимала, поэтому решила не обижаться на вопрос.

– Но кто-то о вас явно знает.

– Да.

Вики понятия не имела, как можно прорычать слово, состоящее из звонкой согласной и гласной, но Стюарту это удалось.

– Здесь есть три человека, которые знают о нашей стае. Пожилой врач из Лондона, местный егерь и напарник Колина.

– Колин – офицер полиции.

Вики не спрашивала, а утверждала. Вервольф, служащий в лондонской полиции, был дивом, которое она вряд ли забудет. Она вытащила из недр своей сумки блокнот и ручку.

– Близнецы – то есть Роза и Питер – упоминали о нем.

У Дональда был скорее смущенный, чем гордый, вид.

– Колин – мой старший сын. Он первым из нас получил то, что вы бы назвали постоянной работой.

– Первый из нас, кто окончил среднюю школу, – сказала Надин. И, увидев выражение лица Вики, добавила: – Обычно мы считаем школу очень... мощным стрессом для наших детей. Большинство из нас бросают учебу при первой же возможности. – Ее губы изогнулись, и Вики могла только предположить, что Надин улыбается. – Проблема в том, что нам усложняют уход из школы и одновременно усложняют пребывание там.

– Мир становится теснее, – тихо сказал Генри. – Вервольфы вынуждены интегрироваться. Рано или поздно их обнаружат.

У него не было сомнений насчет того, как его смертные братья отнеслись бы к вервольфам. Их считали бы животными, если бы вообще позволили им жить. Когда такая мелочь, как цвет кожи, имеет столь большое значение, какие шансы есть у вервольфов?

Вики пришли в голову похожие мысли.

– Что ж, – сказала она тоном, не допускающим возражений, – давайте просто надеяться, что вас обнаружат позже, а не раньше. Я лично поражена, что вам удалось сократить список тех, кто о вас знает, до трех человек.

Стюарт пожал плечами, мышцы перекатились под густыми черными волосами на его груди.

– Мы держимся особняком, а люди очень хорошо умеют верить в то, во что хотят верить.

– И видеть то, что хотят видеть, – добавил Дональд с веселыми морщинками у глаз.

– Или *не* видеть, – со смешком вставила Мари.

Вервольфы кивнули в знак согласия – в какой бы ипостаси они ни пребывали, – все, кроме Мрака, который заснул, положив подбородок на босую ногу матери.

– А как насчет тех, кто может *заподозрить* вашу истинную суть? – спросила Вики.

Убийцы почти всегда знакомы с жертвой. В тех случаях, когда они незнакомы, дела, как правило, остаются нераскрытыми.

– Таких нет.

– Прошу прощения?

– Таких нет, – повторил Стюарт. Он, очевидно, верил в то, что говорил, но Вики подумала, что он тешит себя иллюзиями.

Шум справа заставил ее перевести взгляд на двоих, лежащих на полу. Судя по виду Тучи, та хотела возразить.

«А может быть, она хочет прогуляться. Как, черт возьми, я могу это определить?»

– Вы ведь контактируете с людьми. По крайней мере, младшие с ними регулярно контактируют. – Вики обвела рукой обе пары близнецов. – А как насчет других детей в школе? Учителей?

– Мы не перекидываемся в школе, – запротестовала Мари. Дженнифер кивнула в знак согласия, тряхнув рыжими волосами. – Мы не можем перекинуться, когда одеты.

– А поскольку в школе вы в одежде, вы не можете менять облик?

Девочки, казалось, были довольны, что Вики так быстро сообразила.

– ...Это, должно быть, вас расстраивает.

Мари пожала плечами.

– Все не так уж плохо.

– Разве вам никогда не хотелось рассказать людям, на что вы способны? Показать в другой ипостаси?

Рычание Стюарта прозвучало очень громко и очень угрожающе в последовавшей за этими вопросами потрясенной

тишине. Девочки смотрели на Вики так, будто она сделала им какое-то непристойное предложение.

– Ладно. Я уже поняла, что нет.

«Нельзя судить их по человеческим меркам. Постарайся это помнить».

– А как насчет задушевных друзей?

По виду Шторма и Тучи невозможно было угадать, что они думают. Мари и Дженнифер выглядели озадаченными.

– Я имею в виду бойфрендов.

Обе девочки сморщили носы с одинаковым отвращением.

– Люди пахнут неправильно, – коротко объяснил Стюарт. – Никаких «задушевных друзей» среди них не бывает.

– Пахнут неправильно? – переспросила Вики.

– Да.

Вики решила оставить эту тему – ей не хотелось в столь поздний час обсуждать аспекты размножения вервольфов. Однако две вещи необходимо было обсудить. Первая все еще вызывала у Вики смущение, и за год без малого работы частным детективом она так и не придумала, как можно сказать об этом не напрямую.

– Насчет моего гонорара...

– Мы сможем расплатиться, – ответил Стюарт и кивнул, когда она назвала сумму.

– Хорошо. – Вики сплела пальцы и мгновение разглядывала их. – Еще вот что. Когда я найду виновника, что будет? Мы не сможем подать на него в суд. Его нельзя по закону

привлечь к ответственности за убийство, не выдав существование вашего племени.

Стюарт улыбнулся, и Вики, несмотря на жару, почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– Он ответит по нашим законам. По законам стаи.

– Значит, месть?

– А почему нет? Он убил двух членов стаи без всяких причин. Кто имеет больше прав быть судьей и присяжными?

Действительно, кто?

– Нет другого способа остановить убийства, – тихо сказал Генри.

Ему казалось, что понимает колебания Вики, хотя бы теоретически. Сформировавшейся в шестнадцатом веке этике легче смириться со справедливостью, идущей вразрез с законом, чем этике, сформировавшейся в веке двадцатом.

Все дело, как внезапно осознала Вики, сводилось к следующему: чья жизнь имеет бóльшую ценность – тех, кто находится в этой комнате, или маньяка, совершающего одно убийство за другим? Или группы таких маньяков. Если задать вопрос подобным образом, ответ казался не таким уж сложным.

– Тогда я хотела бы проверить тех трех людей, которых вы внесли в список.

– Мы их проверили... – начал Дональд, но Стюарт перебил:

– Сегодня уже поздно что-либо предпринимать. Мы

предоставим вам информацию завтра.

Вики знала, что вервольфы попытались провести собственное расследование после того, как была убита сестра Надин. Ее не удивляло, что они занялись расследованием, но огорчало: как говорил ее опыт, дилетанты только все портили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.